

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

ПОПРОБУЙТЕ
ПОЗВОНИТЬ ПОЗДНЕЕ

Наталья Андреева

Попробуйте позвонить позднее

«Автор»

2008

Андреева Н. В.

Попробуйте позвонить позднее / Н. В. Андреева — «Автор»,
2008

ISBN 978-5-17-052783-0

Это может случиться с каждым. Сегодня у тебя есть все: богатый муж, дом полная чаша, подруги, с которыми ты часами болтаешь по телефону. А в свободное от этого время-магазины, салон красоты, фитнес, бассейн. А завтра... Ты набираешь его номер и слышишь: «Абонент не отвечает. Попробуйте позвонить позднее...» Позднее – когда? Муж исчез, деньги и кредитные карточки исчезли вместе с ним. Загородный особняк по документам принадлежит чужим людям, а в квартире ты даже не прописана. Убит? Сбежал к любовнице? Сначала кажется, что это конец света. А может быть, испытание? Найти себя, любимую работу, настоящих друзей и, наконец, любовь. Это тоже жизнь, но другая. Не лучше и не хуже. Просто другая. И если это случилось с тобой, не надо паниковать и не надо себя жалеть. Обязательно найдутся те, кто помогут, хотя бы советом, и все наладится.

ISBN 978-5-17-052783-0

© Андреева Н. В., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Абонент не отвечает...	5
Глава первая	13
Глава вторая	22
Глава третья	33
Глава четвертая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Наталья Андреева

Попробуйте позвонить позднее

Абонент не отвечает...

– Малыш, мне надо уехать на пару дней.
– Куда? – безразлично спросила она, стоя спиной к мужу у кухонной плиты.
– В командировку.
– А... – И она ловко перевернула мясо.
– Ты будешь скучать?
– Ну конечно! Тебе бифштекс с кровью или просто хорошо прожаренный?
– Мне все равно.
– Нет, ты должен сказать мне: как пожарить мясо?
– Неужели это так важно?
– Ну конечно!
– А моя командировка тебя не волнует?
– Волнует, конечно. – Она улыбнулась. – Но ведь это же не в первый раз. Ты постоянно куда-то уезжаешь. На день, на два, бывает, что на неделю. Я привыкла. Разумеется, я буду скучать. Мы будем скучать. Я и Бельчонок. Но ведь все будет хорошо?
– Да, конечно. Все будет хорошо.
– Так как пожарить мясо?
– С кровью.
– А раньше ты любил хорошо прожаренный бифштекс!
– Инна...
– Что?
– Посмотри же на меня, наконец!
– погоди. Если ты хочешь мясо с кровью...
– Я хочу, чтобы ты на меня посмотрела. Хочу увидеть твои глаза.
Она аккуратно положила на разделочный столик тефлоновую лопаточку и с улыбкой повернулась к мужу:

– Дорогой, что случилось?

«Папа, мама, я – счастливая семья». «Дорогой», «дорогая», хорошая трехкомнатная квартира в престижном районе Москвы, просторный загородный дом, престижная иномарка, элитная гимназия, в которой учится их единственная дочь, по будням у нее фитнес, у него теннис, по выходным у обоих боулинг, оба не прочь покататься на горных лыжах... Она, разумеется, не работает. Потому что у нее ребенок, фитнес и горные лыжи. Отпуск у него разбит на части: неделя в Швейцарии, десять дней на море, Новый год за границей – в Лапландии или Таллине, а может, и на островах, на берегу океана, смотря по обстоятельствам. Деньги есть. Сколько? Об этом не принято спрашивать. Откуда? Он работает.

О таких и снимают рекламные ролики. Двое взрослых и ребенок, «мама, папа я – счастливая семья», стройные, загорелые, белозубые, ясноглазые, без жилищных и материальных проблем, и все это благодаря зубной пасте, йогурту или крему, которые они пьют-едят-мажут. Они из другой жизни. Они – инопланетяне. Когда они выходят из своей престижной иномарки, стройные, загорелые, белозубые, ясноглазые, чтобы пополнить запасы волшебного йогурта или крема, кажется, что это мираж. Минута-другая – и они исчезают за стеклянными дверями супермаркета. Хочется пойти следом и подсмотреть: а что они кладут в корзину для покупок? Что надо выпить-съесть-намазать, чтобы выглядеть также? И быть такими же счастливыми?

Стройными, загорелыми, белозубыми, ясноглазыми? А как же хочется-то! Господи-и-и, как хочется!

Поэтому и:

– Дорогой, что случилось?

Ничего не должно случиться. Потому что он работает. Он – идеал мужчины. Не пьет, не курит, занимается спортом, любит жену и дочь. Кажется, что так не бывает, что это из другой жизни. Что такие мужчины вымерли, как мамонты, в ледниковый период женской эмансипации, уступив все права, какие только есть. Право на труд, право занимать руководящие должности, право водить машину и право материться. Потому что тот, кто работает от зари до зари, занимает руководящие должности и водит машину, не всегда в состоянии справиться со своими эмоциями. Порой надо выражаться коротко и ясно, потому что решения принимаются мгновенно. И надо, чтобы тебя поняли. Мгновенно. Это не люди изменились, это жизнь изменилась. Они же просто экономят силы и время.

Она не такая. Не матерится. Из спиртных напитков только сухое вино, не больше двух бокалов, не чаще двух раз в неделю. Даже не курит. Речь у нее плавная и неторопливая. Она – воплощенная женственность. Блондинка с голубыми глазами. Она не работает и не водит машину. Хотя могла бы. У нее есть водительские права, а одно время было и желание. Но он ее от всего оберегает. Они женаты четырнадцать лет. И вот:

– Дорогой, что случилось?

– Ничего. Ровным счетом ничего.

– Тогда почему такой тон?

– Я просто соскучился.

– Ах, соскучился! – Она лукаво улыбается. – Погоди, Бельчонок уснет...

И вновь поворачивается к плите. Ей надо накормить мужа, который пришел с работы. Это ее долг, и она справляется с этим отлично. Квартиру убирает домработница, которая приходит дважды в неделю, она же гладит постельное белье – обязанность, которую большинство женщин, а особенно работающих, ненавидят. Но ребенком Инна занимается сама. И готовит тоже сама. Ей нравится подолгу выбирать продукты на рынке и в магазине, нравится возиться на кухне, варить, тушить, поджаривать, взбивать...

Он понимает, что изменить ничего нельзя. Он сам сделал ее такой за четырнадцать лет совместной жизни. Сделал все, что мог, никто не смог бы сделать для нее больше. И меньше. Потому что она абсолютно не самостоятельна. Она – его тень. У нее его фамилия, его ребенок, его квартира и его кредитная карта, которой оплачиваются покупки и услуги. Он сам снимает показания со счетчиков электроэнергии, горячей и холодной воды, сам рассчитывается с консьержкой, домработницей и сторожем, который присматривает за их загородным домом. Сам вносит плату за обучение дочери. И часто спрашивает в шутку любимую жену:

– Что будет, если со мной вдруг что-нибудь случится? Сколько дней ты сможешь прожить? Пока в холодильнике не кончатся продукты?

– Не преувеличивай, дорогой, – она надувает пухлые губки, похожие на лепестки розы, – в магазин за продуктами хожу я.

– Это твоя единственная обязанность. Не считая обязанностей по дому. Месяц без меня продержишься?

– Меся-а-ац... – тянет она. Ей все это кажется забавной игрой. Игрой под названием «Что будет, если его не будет?». – Какой ты смешной! Господи, что может случиться за месяц?

– Ничего, кроме того, что ты узнаешь наконец, как зовут консьержку и где оплачивают счета за квартиру. Во сколько обходится содержание загородного дома, у кого можно занять денег...

– Занять? Господи, какой ты смешной! У меня же твоя кредитная карта!

– Да, с таким спасательным жилетом можно долго держаться на плаву. Но ведь всякое может случиться. А что ты будешь делать *без* кредитной карты?

– Что я буду делать без... Господи, какой ты смешной!

– Инна, ты абсолютно несамостоятельна.

– Ты меня разлюбил?

– Ну при чем здесь это?

– Как при чем? Если тебя во мне что-то не устраивает, так и скажи. Что именно? Я поговорю с мастером по маникюру, со своим косметологом, с тренером по фитнесу.

– Ну при чем здесь это?

– Как при чем?

– Мы с тобой говорим на разных языках. Я хочу, чтобы ты стала самостоятельной. Чтобы ты научилась разговаривать с людьми. Ведь ты даже не можешь позвонить в ЖЭК и вызвать сантехника, когда ломается кран! Ты звонишь мне.

– Я не понимаю... Ведь ты сам говорил, что все бытовые проблемы должны решаться через тебя, потому что ты – ответственный квартиросъемщик.

– Всякое может случиться. Я за тебя боюсь. За вас с Бельчонком.

– У тебя проблемы на работе?

– Работы без проблем не бывает.

– Морозов что-нибудь придумает.

Еще одна ключевая фраза. Их несколько. На все случаи жизни. Фразы-заклинания. Если в семейный очаг супругов Козловых вдруг заползет змея. Едва она поднимет голову, ей тут же говорят ключевую фразу. Самая популярная: «Все будет хорошо». Годится на все случаи жизни и повторяется особенно часто. Если же речь идет о деньгах, есть другая ключевая фраза: «Морозов что-нибудь придумает».

Морозов – это друг мужа. Президент банка. Вот уже десять лет. И муж при нем. При друге и Президенте банка. Вице-президент. Доверенное лицо. Банки меняются, должности друзей – нет. Они дружат с первого курса института, Олег Морозов и Вениамин Козлов. Познакомились у дверей приемной комиссии, когда сдавали физику устно. Сначала вошел Морозов, потом Козлов. Первый получить «пять», второй «четыре». Поступили оба. Так они и идут по жизни, шаг в шаг, след в след. Первым Морозов, вторым Козлов. Обоих это устраивает. Один – мозг, голова Дела, другой – его руки и ноги, потому что приходится побегать. Один – генератор идей, другой – исполнитель. Первый без второго не может, как и второй без первого. Но всем понятно, что главное в Деле – это мозг. Поэтому все связи у Морозова. Козлов же получает четкие инструкции и документы, которые надо отвезти туда-то, и туда-то. С кем встретиться, о чем переговорить. Кому что передать, на словах и в конверте.

Ей всегда говорили, что жена вице-президента банка могла бы позволить себе гораздо больше. В смысле украшений и развлечений. Да и *вообще*. Это *вообще* ее пугает. У них с мужем любовь. Настоящая. У нее и так все есть. А банк у Морозова небольшой. И каждый раз – разный. Она в суть этого не вникает. Мозги у нее не так устроены. Не технические. Финансовые схемы друзей ей непонятны, как непонятен и сам Олег Морозов. Она его откровенно боится.

Семьями они не дружат, Морозовы и Козловы. Почему? Она дружна с первой женой Президента, Лидой. У них двое детей, мальчик и девочка, старшему уже тринадцать. Но после Лиды у Морозова было еще четыре жены. Это его принцип: менять жену так же, как и машину, по истечении гарантийного срока. С Лидой они прожили семь лет, Морозов сказал, что больше детей не хочет. А жен хочет. Молодых и красивых. Много. После чего тут же развелся.

Сейчас у него – Пятая. Он так и зовет ее: моя Пятая. Или Дюшкой. Пятая, или Дюшка – настоящая красавица, и имя у нее редкое, красивое: Евдокия. Но Морозов зовет ее, как какую-нибудь свиноматку или корову – Дюшкой. У Президента своеобразное чувство юмора. Поскольку жена вице-президента дружит с Лидой, которую знает еще по институту, то она не

дружит со всеми остальными. Кто знает, сколько их еще будет у Морозова? Пярых, Шестых, Юбилейных? До какого числа он собирается дойти? Что ж, со всеми дружить? Они очень разные люди, Морозов и Козлов. Один предан жене и семье, пока смерть не разлучит, другой предпочитает девушек модельной внешности и ненадолго. Один мягкий, добрый, хозяйственный. Другой резкий, стремительный, волевой. И откровенно грубый. Поэтому с Олегом Морозовым все общаются только через его зама, Вениамина Козлова. Тот умеет сгладить ситуацию, обнадежить, утешить, подбодрить... Вениамин Козлов – великий переговорщик. Частенько он повторяет с улыбкой: «Я не кошка, я лучше. Она всегда падает на четыре лапы, а у меня лапы везде: и на боку, и на спине, даже на голове – и там лапы».

Но ключевая фраза все равно: «Морозов что-нибудь придумает». Потому что у очередного возглавляемого им банка то и дело отбирают лицензию. Ситуация настолько типичная, что к ней давно уже все привыкли. Даже она, трусиха и плакса. Как говорит муж, «рабочий момент». Был «Скетч-Банк», «Сокс-Банк», потом «Траузер-Банк», теперь «Бикини». «Бикини-Банк».

– Почему такое странное название, Веник?

Это у них еще со студенческих времен. Она – Белая Мышка, он – Веник. Ласковые прозвища.

– А предыдущие названия не казались тебе странными?

– Не-е-т.

– Эх ты! Учиться тебе надо, малыш. Впрочем, когда тебе учиться? Ты же у нас страшно занята.

В его голосе ирония, но с ласковой улыбкой. Веник ее любит и прощает маленькие слабости. Она и в самом деле ужасно занята. Дашу отвести в гимназию, пройтись по магазинам, у обоих сеанс в бассейне, у девочки – под чутким руководством тренера, у нее – свободное плавание, три раза в неделю. Салон красоты, стрижка, укладка, маникюр, педикюр, солярий, маска для лица, массаж, горячие обертывание с водорослями, после чего контрастный душ... Для кожи, для волос, для ногтей... И так каждый месяц, сеансы пропускать нельзя, иначе запустишь. Запустишь что? Она не знает, она вообще об этом не думает, но пропускать нельзя. Английский для Даши, индивидуально. Пропускать нельзя. Девочке надо развиваться. Говорят, она хорошо рисует. Так может, вместо плавания художественная школа? Боже, сколько проблем! Надо посоветоваться с мужем.

– А надолго ты уезжаешь?

– Я же сказал: на два дня.

– А куда?

– В Саратов. Мы открываем новый филиал.

– В Саратове?

– Тебя это удивляет?

– Нет.

– Может, поговорим об этом?

– Ты же знаешь, дорогой, я никогда не говорю о твоей работе. Мы так условились.

Третья ключевая фраза: «Я никогда не говорю о твоей работе». «Морозов что-нибудь придумает». «Все будет хорошо». Это уже связка. Три ключевые фразы, глядишь, и жизнь наладилась.

– Сегодня двадцать второе.

– Да, двадцать второе мая. У Бельчонка скоро выпускной.

– Выпускной?

– Ну да! Ты забыл, что единственный ребенок оканчивает начальную школу? – Она укоризненно покачала головой. – Веник, как ты мог!

– Но мне всегда казалось, что выпускной в десятом.

– Сейчас одиннадцатилетка. – Она улыбается.

– Да, я немного отстал от жизни. Скажи, а для Бельчонка это важно?

– Ну, конечно! Мы арендуем пароход.

– Как-как?

– Пароход, – невозмутимо ответила она. – Поплывем по Москве-реке, будем праздновать. Веселиться. Родители будут пить шампанское, дети – тоже шампанское. Только детское. – Она хихикнула. – И все мы будем объедаться пирожными. Сначала мы хотели пойти в ресторан, устроить детский праздник, но потом кто-то предложил пароход. И мы подумали, что это гораздо романтичнее. Да и свежий воздух детям полезнее. Лишь бы дождя не было.

– Быть может, ты ее позовешь? – тихо спросил он.

– Кого? Бельчонка? Она уроки делает.

– Инна, это ненадолго.

– Ну, хорошо.

Она улыбнулась и поднялась, чтобы позвать дочь. Муж хочет видеть ребенка. Когда он уходит на работу, Бельчонок еще спит, ее первая утренняя улыбка достается маме. Папа завтра уезжает в командировку, он хочет попрощаться. Это ненадолго, всего на пару дней, но они – дружная счастливая семья. Они же и дня друг без друга прожить не могут.

– Даша, тебя зовет папа.

– Ма-а! Я уроки делаю!

– Это не займет много времени.

– Ну, ма-а! Ты же знаешь, сколько нам задают!

– Даша! – ни тоном выше, на ребенка кричать нельзя. Строго, но мягко.

– Вот пристали!

Даша надула губки, но поднялась. Демонстративно захлопнула учебник, отпихнула груды тетрадей. Очаровательная девочка, как две капли воды похожая на маму. Но немного капризная. Протопав на кухню, она послушно подставила папе лобик. А губки, похожие на лепестки розы, оставались надутыми.

– Как дела, Бельчонок?

– Нормально.

– А в школе?

– Я же говорю: нормально.

– Что сегодня получила?

– У нас была годовая контрольная по математике. Я получила «пять»!

– Ай, умница!

– Я могу идти?

– Да, конечно.

– Им очень много задают в школе, – виновато сказала она, когда дочь ушла. – Контрольные работы за четверть и за год.

– Я все понимаю.

Он невольно вздохнул. Вот так всегда: пашешь, пашешь на них, а вместо благодарности... Но тут же взял себя в руки. Надо быть объективным. Ребенок устал, у него годовые контрольные работы, одна за другой. «Пять» по математике, чего ж тебе еще надо? И в лобик поцеловал.

– Инна, счета за квартиру надо оплатить до двадцать пятого.

– Зачем ты мне об этом говоришь?

– Потому что я уезжаю.

– Но ты же сказал, что уезжаешь на два дня. Сегодня только двадцать второе.

– Обычно я делаю это раньше, оплачиваю счета, но в мае не успел. У меня было много работы.

– У вас что, опять отбирают лицензию? – спросила она беспечно.

- Это рабочий момент.
- Ах, рабочий момент...
- У тебя есть какие-нибудь вопросы?
- Дорогой, я не понимаю.
- Ты знаешь, где лежат документы? Паспорта, документы на квартиру, на дом?
- Ну, конечно, знаю! В спальне, в сейфе.
- Код замка – год, в который мы поженились. Четыре цифры. Надеюсь, ты их помнишь.
- Дорогой, зачем ты мне об этом говоришь?
- На всякий случай. Это – рабочий момент. Я еду на машине, один. При мне будут деньги

и документы.

- Ты хочешь сказать, что тебя могут ограбить? – с улыбкой спросила она.

С улыбкой, потому что муж – каменная стена. А изнутри еще и с подогревом. Стена окружает ее кольцом. Ей так удобно засыпать у него на плече, вдыхая запах его волос и кожи, чувствуя тепло его большого сильного тела. Она не допускает и мысли о том, что с ним что-нибудь может случиться. Ведь он такой большой и сильный. С ним не страшно.

– Жизнь – штука сложная и абсолютно непредсказуемая. Недаром в народе говорят: «От тюрьмы и от сумы не зарекайся». Всякое может случиться. Четырнадцать лет я оберегал тебя от всего. Быть может, напрасно. Но как случилось, так случилось.

– Веник! Что это с тобой? Ты что со мной прощаешься? Давай-ка сменим тему. Скажи лучше, куда мы поедем летом отдыхать?

- А куда ты хочешь?

Мечтать о том, куда бы они еще поехали отдыхать, – их любимое занятие. Искать желания. Люди, у которых все есть, занимаются этим охотно и часто. И соответственно часто разочаровываются. Супруги Козловы, казалось, побывали везде. Начали с Турции и Египта, потом была Европа, острова, затерянные в океане, экзотические туры с особенно острыми ощущениями, Австралия... Человек, который прошел «огонь и воду» частного бизнеса, заработав кучу денег, заработал и право на отдых. Право, которым он пользуется охотно, жаль только, что земной шар такой маленький и вращается недостаточно быстро.

Инна Козлова пальчиком с длинным блестящим ногтем вращала глобус и играла уже в другую игру: «Куда бы я хотела поехать летом?»

- А Бельчонка возьмем с собой?
- Смотря куда мы поедем.
- В крайнем случае, с ней побудет моя мама... А когда у тебя отпуск?
- Летом.
- Я знаю, что летом. А когда?

...Их ночи любви давно уже были наполнены не страстью, а нежностью. Как путешествие по материкам, открытым много лет тому назад, приятное и комфортное, хотя и без особо острых ощущений. Быть может, где-то есть еще затерянные острова, те, что он или она оставили без внимания, но пути к ним надежно спрятаны. Зачем менять что-то, если жизнь удалась? У него никогда не было любовницы, она это знала. У нее никогда не было любовника, он это знал. Их брак держался на доверии, а не на страхе. Она знала, что лучше него никого нет. Он догадывался, что бывает и по-другому, но уверил себя в том, что бывает хуже, чем у них, не лучше. Его жена – красивая холеная женщина, которая каждую неделю по многу часов проводит в салоне красоты. И любовь с ней может быть только на шелковых простынях, в спальне, обставленной дорогой импортной мебелью, и в конце с непременно поцелуем и словами:

- Я тебя люблю.

Как благодарность за то удовольствие, которое она ему доставила.

- Я тоже тебя люблю.

Короткий вздох, счастливая улыбка, и вот уже она спит, свернувшись калачиком, а светлые волосы касаются его плеча.

Он прислушался: дыхание жены было ровным. Спит, и спит крепко. Он отстранился, стараясь ее не потревожить. Она потянулась было за ним – теплое надежное плечо ускользало, но сон оказался сильнее. Она поворочалась какое-то время, но уснула одна, без него. Он тихо поднялся и вышел в коридор. Дошел до спальни дочери и приоткрыл дверь, стараясь, чтобы она не скрипнула. Бельчонок тоже крепко спала. Постоял какое-то время на пороге, глядя на дочь, потом так же осторожно закрыл дверь и пошел на кухню.

И тут он сделал то, чего не делал никогда. Из глубины кухонного шкафа достал пачку сигарет. Он не помнил, как давно она уже там лежит, помнил только, что в ней осталась одна-единственная сигарета. Когда-то на этой самой кухне они с Морозовым обсуждали проект, который должен был обоим сделать людьми не просто богатыми, а *очень* богатыми. Морозов говорил, и говорил много. Практически говорил он один. И беспрестанно курил. Он курил одну сигарету за другой, опустошил одну пачку, потом открыл вторую. И только когда в этой второй пачке осталась одна-единственная сигарета, они, наконец, разошлись. Светало.

С тех пор прошли годы. Квартиру он так и не поменял, это была хорошая, большая квартира, и Инна к ней привыкла. Зато построил загородный дом. И это все. А вот Морозов действительно стал человеком не просто богатым, а *очень* богатым. В глубине души Вениамин Козлов понимал, что по отношению к нему допущена несправедливость. Что его, как это говорится, слегка кинули. Он мог бы иметь больше и должен был иметь больше. Но все связи в руках у Морозова. И сделать ничего нельзя. Или можно?

Он достал из пачки ту самую сигарету. Единственную. Которую когда-то оставил ему лучший друг Морозов. А он ее почему-то не выбросил, а спрятал. Поискал глазами, где бы раздобыть огня. Плита была электрической, ни он, ни жена не курили. Вениамин Козлов чертыхнулся и полез по шкафам. Его руки дрожали от нетерпения. Он сам не понимал, что делает, но желание закурить было настолько сильным, что справиться с ним он не мог, а потому перетряхнул все, пока наконец не нашел именинные свечки. В десятый свой день рождения Бельчонок задула их, загадав желание, торт съели, а свечки жена спрятала. Она собирала все, что связано с дочерью: пинетки, выпавший молочный зуб, прядь золотых волос, первый рисунок, дневник с первыми отметками... Инна была хорошей матерью. Быть может, даже слишком хорошей, потому что дочь избалована. Подумав об этом, он укрепился в своем решении.

Рядом со свечками лежала зажигалка. Закурив в первый раз в жизни, он почувствовал себя странно. Ему было тридцать девять лет, он всегда говорил лишь то, что от него хотели услышать, и делал то, что от него ожидали. Он считался человеком надежным, уравновешенным и полностью предсказуемым. Начиная с этой первой сигареты, все, что он собирался сделать, не поддавалось логическому объяснению. Быть может, это кризис среднего возраста? Тем не менее, закурив, он почувствовал острое наслаждение. Подумал, что надо что-то менять. Не жену, не работу – нет. Надо в корне менять свою жизнь. И ее. Женщину, которую он любит. Надо решаться.

...А утром он уехал. Инна Козлова не беспокоилась до самого вечера. У них с мужем было условлено, что, пока он в дороге, никаких звонков. Да и днем его по возможности не беспокоить. У него ответственная работа, он то в банке, то на переговорах. Лишь в случае крайней необходимости.

Поэтому она не забеспокоилась ни в шесть часов, ни в семь, ни в девять. В десять вечера она подумала, что Венику пора бы выйти на связь. Если он уезжал, то перед сном они обменивались нежными словами по телефону. Он говорил, как доехал, в какой гостинице остановился, как устроился и обязательно что-нибудь забавное из «жизни аборигенов». Она смеялась, он говорил «спокойной ночи, любимая» каким-то особенным голосом, и она засыпала крепко, без сновидений. Она вообще была на редкость здоровая женщина, с нервной системой, не рас-

шатанной волнениями и заботами о хлебе насущном. Потому и не нуждалась в стимуляторах, таких как алкоголь.

В десять часов вечера она стала ждать звонка. В половине одиннадцатого надулась. Ах, да он забыл о жене! И даже не пожелал ей спокойной ночи! Нет, она не будет звонить первой.

В одиннадцать она поняла, что уснуть не сможет. Пока он не позвонит, о сне и речи быть не может. Бельчонок уже улеглась, она же немного почитала, посмотрела телевизор, съела шоколадную конфету и тут же себя пристыдила. Надо следить за тем, чтобы фигура не расплылась, не девочка уже, тридцать четыре года. Потом вздохнула и потянулась к мобильному телефону. Она хотела получить свое «спокойной ночи, малыш». Она так привыкла.

– Абонент не отвечает или временно недоступен. Попробуйте позвонить позднее... – раздалось из трубки, в котором для человеческого голоса было с избытком металла.

Сначала она удивилась. Что за шутки? Веник отключил мобильный телефон? Не позвонив жене? Она вновь набрала номер мобильного мужа.

– Абонент не отвечает или временно...

Такого еще никогда не было. Он еще никогда не был вне зоны доступа. Для нее, своей жены – никогда! В крайнем случае не отвечал на звонок, но спустя какое-то время обязательно перезванивал и извинялся. Мол, был на переговорах или же на минутку заскочил в магазин, а телефон оставил в машине.

– Абонент не отвечает.

Она подождала до полуночи. Потом перенабрала номер, уверенная в том, что теперь-то уж он ответит! В полночь всякая работа заканчивается. Он должен лежать в постели, в гостинице или где-то еще. Или где? Она заволновалась. Надо немедленно ему дозвониться!

– Абонент не отвечает.

Аккумулятор разрядился? Взял ли он с собой зарядное устройство? Она заметалась. А как выглядит его зарядное устройство? Какой марки его мобильный телефон? Веник никогда не озадачивал ее проблемами покупки бытовой техники. Это у него высшее техническое, не у нее. У нее – гуманитарное. Он никогда не...

Господи, что случилось?!!

Час ночи, два, три...

– Абонент не отвечает.

Она терзала телефон без устали. Такого еще не было. Муж обязан ей ответить. Он просто обязан это сделать.

...Она уснула под утро, в конец обессиленная, с зажатым в руке мобильным телефоном. Это было утро нового дня и новой для нее жизни. Потому что ни вчера, ни сегодня она так и не добилась ответа.

Глава первая

Проснувшись, она почувствовала себя странно. Ей что-то мешало. Потом поняла: рука. В ней что-то есть. Какой-то предмет. Посмотрела и вздрогнула: телефон! Мобильный телефон! И тут же вспомнила все.

Это утро началось не так, как обычно, потому что оно началось с телефонного звонка. Обычно она вставала первой, муж и ребенок еще спали, и бежала в ванную комнату приводить себя в порядок. Они уходили в начале девятого, Бельчонок и Веник. С ноября Даша капризничала и требовала, чтобы мама не ее провожала в школу, она, мол, уже большая! Ей уже десять лет! И нечего ходить за ней по пятам! Инна просила мужа тайно проследить за дочерью и отзвониться. Дошла, мол, до школы, все в порядке. Самостоятельность под контролем. К маленьким капризам жены ее любимый относился с пониманием. Поэтому они оба уходили в начале девятого. Муж и дочь.

Но утро начиналось не с этого. С завтрака, который она им готовила. С капризного голоса Даши, которая не хотела вставать с постели так рано. А это утро началось с того, что она набрала телефонный номер мужа и услышала все то же:

– Абонент временно недоступен. Попробуйте...

Она начала просчитывать варианты: аккумулятор разрядился, нет сети... Мысль о том, что Веник просто-напросто отключил мобильный телефон, ей в голову не приходила. Что-то случилось. Но что?

И что теперь делать?

Она посмотрела на часы и про себя подумала: пора вставать. Надо разбудить Дашу, накормить завтраком, отправить в школу.

– Даша, вставай.

– Ну, ма-а!

– Быстро, я сказала!

Дочь вскочила с постели. Это было первый раз в жизни: мать на нее кричала. Не просила, не уговаривала, а приказывала. И лицо у нее было странное.

– Я не хочу кукурузные хлопья с молоком, я хочу омлет!

– Ешь, что дают! Хватит капризничать!

Опять осечка. В руках у матери мобильный телефон. Вот она нажимает на кнопку вызова и лицо ее мрачнеет. Но телефон на стол не кладет, он все время у нее в руке.

– Поела? Иди в школу!

Впервые в жизни Даша идет одна. Обычно мама ее провожает, если папа уехал в командировку. Говорит, что ей надо в магазин, или просто подышать свежим воздухом, чтобы цвет лица был хорошим. Эти маленькие хитрости обеим знакомы, Даша не против, лишь бы одноклассники не знали, что она до сих пор как маленькая «ходит на помочах».

А ей впервые не до дочери. Гимназия в десяти минутах быстрой ходьбы, что может случиться? На улице полным-полно народу, дети идут в школу, взрослые спешат на работу. Одна за другой из их тихого уютного дворика выезжают иномарки. Они живут в престижном районе, в элитном доме. Гимназия, в которой учится Даша, тоже элитная. В каждом подъезде консьерж, в школе охрана, повсюду глаза и уши. У них отродясь не случалось никаких ЧП. Посмотрев в окно, она увидела, что Даша идет по асфальтовой дорожке с ярким рюкзачком за спиной, на котором болтается мягкая игрушка. Бельчонок. С самого рождения у девочки необъяснимая страсть к этим маленьким пушистым зверькам, у них в доме есть белки из меха, белки из пластмассы, керамические белки, заводные, надувные... Отсюда и прозвище.

– Абонент временно недоступен...

Начало девятого. Веник исчез. Она звонит матери, которая удивлена ранним звонком дочери:

- Инна? Что случилось?
- Случилось! Муж пропал!
- Как так: пропал?
- Уехал вчера в командировку, сказал на два дня. И не отвечает.
- Конечно, не отвечает. Он же в командировке.
- Его телефон не отвечает!
- О, господи! Я думала, и в самом деле что-то случилось!
- Мама! Как ты не понимаешь?! *Такого еще никогда не было!*
- Инна, успокойся. Ну, не отвечает мобильный телефон. Аккумулятор разрядился.

Может, он забыл дома зарядное устройство?

– Я посмотрю, конечно. Думаешь, я знаю, как оно выглядит? – поневоле начинает раздражаться она. Нервы на пределе. – Мы постоянно меняем мобильные телефоны, у нас в доме столько всего валяется! Как я узнаю, оно это или не оно?

– Инна, ты как ребенок. Успокойся и подожди. Вени непременно объявится. Ну, что могло случиться?

- Как ты не понимаешь?! Его телефон не отвечает!
- Мне надо идти на работу.
- Работа тебе дороже дочери!
- Но что я-то могу сделать?
- Ладно, иди на свою работу.
- Если надо будет, я приеду, – неуверенно говорит мать.

Она живет в ста километрах, а маленьком провинциальном городке на самой окраине Московской области, уже год как на пенсии, но работает. В библиотеке. Ну, придет она, и что? Будет с кем поплакать.

- Я просто хотела хоть с кем-то поговорить.
- Хоть с кем-то! – мгновенно обижается мать. – Ну, спасибо тебе, дочь!
- Мама! У меня муж пропал, а ты...
- Позвони мне вечером. И если он не объявится, тоже позвони.

Второй звонок его отцу. Инна из неполной семьи, мать вырастила ее одна, а отец Вени женился вскоре после того, как его первая жена умерла от рака. На молодой, как он говорит. Его «молодой» жене пятьдесят три года. У нее две дочери от первого брака. Отношения с отцом Вениамин Козлов практически не поддерживает, но вдруг?

Других контактов у Инны нет. Можно позвонить мужу на работу, и это было бы вернее, но она еще никогда так не делала. Она даже не знает, как зовут его секретаршу. Разумеется, Веник об этом говорил, но... Они меняются так часто! Так же, как банки, в которых он работает! Во всем этом запутаться можно!

- Борис Вениаминович, – с трудом выговаривает она, – доброе утро.
- Кто это?
- Это Инна.
- Какая Инна?
- Жена вашего сына.
- Ах, Инна!
- Видите ли, в чем дело, – она судорожно сглатывает слюну, – ваш сын уехал в командировку, и его телефон не отвечает.

- Ну и что?
- Я не могу с ним связаться. Он вам не звонил?
- Нет.

– Если он вдруг позвонит... Борис Вениаминович, я вас прошу...

– Ты чего звонишь-то?

Свекру шестьдесят девять, он глуховат. И любит выпить.

– Извините, что так рано...

– Какое там рано...

Ах, да! У него старческая бессонница и старческий же маразм. Он встает в пять утра, а заснуть может в любое время суток. А живет он сейчас на даче вместе с «молодухой», как зовет вторую жену свекор. Кажется, с апреля по октябрь они сдают московскую квартиру, на эти деньги и живут. Так делают многие. Пенсионеры и те, кому до пенсии осталось немного. Хорошей работы уже не найти, да и московская суета поднадоела. У Бориса Вениаминовича двухкомнатная квартира в пяти минутах ходьбы от метро. Веник говорил, сколько они берут за постой, но Инна не расслышала. Разумеется, он помогает отцу, но денег ведь никогда не бывает много. И дочери его второй жены... Господи, о чем она думает!

– Если он вдруг позвонит...

– Значит, в субботу?

– Что в субботу?

– Вы в субботу приедете? Так я скажу Клавдии. Она в магазин сбегает. Посидим, выпьем. И девки приедут.

– Какие девки?

– Любка со Светкой.

Что-то знакомое. Она соображает, что так зовут дочерей «молодухи». Люба и Светлана. Старшая вроде бы ее ровесница, а вторая еще студентка.

– ...давно не видались. Как-никак родня! Веник-то загордился, носа не кажет. Как не отец я ему. Как чужие, говорю. А все они, деньги. Ты скажи ему...

– До свидания, Борис Вениаминович.

Что дальше? Отцу он не звонил. И вряд ли позвонит. Она машинально давит на кнопку.

– ...Попробуйте позвонить позднее...

Да куда уж позже! Ей ничего не остается, как позвонить ему на работу. Вот незадача! У нее нет визитки мужа! Ведь эти банки меняются так часто...

Она летит к сейфу. Муж приобрел его после того, как в одном из отелей они имели дело с подобной же конструкцией и остались довольны. Хотя Веник и говорит, что от грабителей, если они профессионалы, не спасет ни сейф, ни бронированная дверь, ни сигнализация. Это скорее для проформы. Где вы храните деньги и документы? В сейфе!

Год их свадьбы. Дрожащей рукой она набирает четыре цифры. Поворачивает ручку и пытается открыть дверцу. Тщетно. Надо же нажать еще какую-то кнопку. Сигнал, чтобы открылась дверца. Ну почему она не в ладах с бытовой техникой? Сейф – техника! Господи, какая же ты дура!

Она какое-то время мучается с дверцей, нажимая на все подряд кнопки, и наконец открывает сейф. Потом спохватывается: а на что я нажала? Не запомнила! Значит, в следующий раз все сначала!

В голову ей приходит неожиданная мысль. Если столько энергии, сил и времени она потратила на то, чтобы открыть дверцу сейфа в собственном же доме, то как же она найдет мужа? И сколько на *это* придется потратить времени? А если с ним и в самом деле что-нибудь случилось? И тогда она начинает рыдать.

Что делать? Ответ один. На том конце эфира должен раздаться знакомый голос. И все проблемы разом будут решены. Она простит ему все. Эту ужасную ночь, испорченное утро, ссору с матерью, звонок свекру... Она простит ему все... Лишь бы только он ответил...

– Абонент не отвечает или временно недоступен...

Денег в сейфе нет. Это ее не удивляет, они же цивилизованные люди, расплачиваются кредитными картами. На самом деле они называются как-то по-другому, муж говорил, но она позабыла. Кредит – это в долг. А у них долгов нет и никогда не было. Каждый месяц на ее счет кладется энная сумма денег на хозяйственные расходы. Крупные покупки оплачиваются с его счета. Его кредиткой...

...которой в сейфе нет. А где же она? Разумеется, при нем! Она спохватывается: двадцать второе мая! Это значит, что деньги, которые муж положил на ее счет, подошли к концу. Сегодня она записалась на педикюр. Салон красоты тоже в десяти минутах ходьбы от дома, а поскольку район престижный, здесь живут люди со средствами и их жены в большинстве своем не работают. Поэтому в салоне красоты запись на месяц вперед. А то и на два, к модному мастеру. Надо проверить счет. Сколько осталось денег?

Веник, ты не можешь так со мной поступить! Май месяц, открытые босоножки, педикюр просто необходим. Что скажут соседи? Родители одноклассников дочери, когда они поплывут на пароходе? Который уже заказан. Вместе с шампанским и пирожными.

Господи, какой пароход!!!

Она вываливает на кровать все, что есть в сейфе, все бумаги. Роемся в них, ищет визитку с координатами «Бикини-Банка». Потом соображает: что толку звонить его секретарше? Не она же посылала ее мужа в командировку! Значит, надо звонить Президенту банка! От одной этой мысли ее бросает в дрожь. Она знает, что Морозов хам и грубиян, человек без тормозов. Женщина интересует его только как постельная принадлежность, если же ее нельзя рассматривать в этом качестве, следовательно, она и не существует. Следовательно, это и не женщина вовсе, а пустое место. Собака – друг человека, а женщина и не друг, и не человек. Но и не собака, факт. Значит, в табеле о рангах она стоит ниже собаки. Где-то на одной ступени с кошкой. Можно снизойти до флирта с женщиной, но никак не до разговора с ней. Морозов ее просто-напросто пошлет. Но она жена вице-президента банка! Он не имеет права так поступить!

Нет, имеет. У кого деньги, у того и права. Ему от нее ничего не нужно, следовательно, никаких переговоров не будет. Без выгоды для себя Морозов даже и не чихнет. Если не будет уверен, что тут же не раздастся хор голосов: «Будьте здоровы, Олег Васильевич, Господин Президент, папа любимый, обожаемый, Олежек, лапочка!» Она, Инна Козлова, ему не нужна. Но нужен же ему вице-президент, черт его возьми! Или уже не нужен?

Надо попробовать действовать через подругу. Совсем ополоумела! Кто тебе сказал, что Лидя поддерживает связь с бывшим мужем? Значит, надо действовать через его последнюю жену! Через Пятую! Она несется к туалетному столику, где в одном из ящичков лежит ее записная книжка в золотом переплете. В ней телефоны Дашиных подруг и всех этих тренеров по плаванию, инструкторов фитнес-клубов, мастеров по маникюру и педикюру, массажных салонов... Весь этот хлам.

Там, в блокноте, она находит номер мобильного телефона Дюшки. Евдокии... Как ее по отчеству? По отчеству! Ей лет двадцать пять, не больше. Прозрачная кожа, медные волосы, огромные зеленые глаза. Девушка модельной внешности. Один недостаток – крохотная грудь. Нет в природе совершенства. Но Дюшка с этим справилась. Пару дней в клинике пластической хирургии, в отдельной палате, потом месяц дома, пока зажили швы. У нее плохо свертывается кровь и мучительно затягиваются раны. Уж очень она белокожая и бестелесная. Зато теперь она – совершенство. Потому что у нее длинные ноги, невероятно тонкая талия и шикарная грудь, быть может, великоватая для такой хрупкой девушки, зато никаких претензий со стороны Морозова. Его постельная принадлежность на зависть всем и полностью соответствует стандартам.

Каким-то чудом Инна Козлова заполучила номер ее мобильного телефона. Ведь их мужья – друзья по институту, еще с первого курса. Как-то где-то они пересеклись, Инна Козлова

и Евдокия Морозова. На банкете в честь чего-то там. И обменялись номерами мобильных телефонов.

Найдя этот номер в блокноте, она немного успокоилась. Остальные «рабочие» контакты в руках у Веника. «Я никогда не говорю с тобой о работе». Что она вообще о ней знает, о его работе? Ни-че-го. Пароли, явки, адреса? Нет, нет и нет.

А когда-то все было иначе. Они поженились сразу после того, как Инна Бояринова получила диплом о высшем образовании. Московский институт культуры. Пошла по стопам мамы-библиотекаря. Вениамин ухаживал за ней красиво и долго. Москвич, высшее техническое, работает в КБ, вредных привычек не имеет. Подруги завидовали. Через какое-то время и она влюбилась. Это была первая в ее жизни любовь, не считая детского увлечения, и Инна отдалась ей всерьез. Она не растрчивала чувства на пустяки, оставалась равнодушной и к смене времен года, и к красивому цветку, и к бездомному котенку, и к сюжету о детях-сиротах в информационном выпуске новостей. Если уж ты прониклась и посочувствовала, это не должно остаться без последствий. Надо посвятить этому жизнь. Цветку, котенку или детям-сиротам. Инна Бояринова посвятила свою жизнь мужу и ребенку.

Она легко рассталась с красивой фамилией и стала Козловой. Однокурсники улыбались: была Бояринова, стала Козлова! Но она не видела в этом ничего смешного. Фамилия как фамилия. Это в порядке вещей: вступив в законный брак, женщина берет фамилию мужа. Счастливая семейная жизнь начинается с взаимного уважения, а не с каприза. Он фамилию менять не хочет. Значит, все будет по закону. Инна была послушной девочкой, с детства она усвоила, что если ездить по правилам дорожного движения, с тобой ничего не случится. Без запинки выучить дорожные знаки, не вылетать на встречную полосу, не превышать скорость и, увидев человека в форме с полосатым жезлом в руке, положить руку на рычаг переключения скоростей, выражая готовность по первому же сигналу затормозить. Так ездил Веник, и его никогда не останавливали. Во многом они с мужем были похожи, а незначительные расхождения во взглядах за четырнадцать лет брака сошли на нет. Они даже дышали в унисон и во сне одновременно поворачивались на другой бок. Именно поэтому она и заволновалась, не услышав голос мужа тогда, когда он должен был выйти на связь. Она уже знала: что-то случилось.

...Сначала они жили у свекрови. Почему-то говорят именно так: у свекрови. Хотя отец мужа никуда не делся, он здесь же, в одной из комнат, а кажется, что везде. Потому что Борис Вениаминович – деятельный, шумный, особенно когда выпьет. Свекровь, напротив, тихая, малоподвижная. Потому что болела. У нее малокровие и постоянные боли в правом боку. Жить с ней было тяжело, она могла говорить только о болезнях, своих и чужих. А что может ответить на это двадцатилетняя женщина, румяная, цветущая, болеющая от силы раз в году банальной простудой и не имеющая даже медицинской карты в районной поликлинике? «Я вам сочувствую, Мария Ивановна». Если уж ты прониклась, надо посвятить этому жизнь. А место уже занято. Тот, кто однажды вошел в сердце Инны, оставался там навсегда. Она прониклась любовью мужа и попала в десятку. Это принесло ей счастье. Не каждому дано так угадать.

С родителями мужа они жили ни хорошо, ни плохо, зато в Москве. Инну это радовало. Не всем ее однокурсницам так повезло. Расставаться со столицей никому не хочется, но обстоятельства порою складываются так, что приходится. Инна какое-то время работала в библиотеке, потом ушла. Времена были смутные, тяжелые, денег нигде не платили. Ее работа не имела никакого смысла, разве что убить время. Деятельный муж сказал: «Хватит». И добавил: «До лучших времен». Он с самого начала все брал на себя. Решение всех проблем. Ушел из КБ, попробовал заняться бизнесом. Куда-то ездил, что-то покупал, перепродавал и снова уезжал. Тогда так жили все. Было трудно, порою невыносимо, страну трясло на стыках эпох, которые стремительно сменяли одна другую. Казалось, за десять лет она хочет наверстать упущенное, пройти путь, на который другие страны затратили столетия. От этого выигрывали энергичные,

беспринципные, наглые и те, кто оказался в нужном месте в нужное время, порою волей случая, а не вследствие собственной прозорливости. Муж крутился, как мог. Но тогда он с ней делился. Тогда она знала всех его друзей, а с Лидой Морозовой была особенно близка. В наследство от тех смутных времен ей и досталась эта единственная дружба. Кроме Лиды подруг у нее не было. Их дочери были ровесницами и учились в одной гимназии, в одном классе.

Два года перетерпев у родителей, Козловы ушли на съемную квартиру. Жили очень бедно, зато одни. Все началось через четыре года после того, как они поженились. Тогда Олег Морозов открыл свой первый банк. И тут же начались тайны. Одновременно появились деньги. Потом большие деньги. Всего через год разразился кризис, но муж воспользовался этим и очень дешево купил отличную трехкомнатную квартиру. Радовался, что не сделал этого раньше. Теперь и квартира, которую он купил, была больше, и денег он потратил намного меньше. Это была удачная сделка. Козловым повезло. В то время когда многие разорились, они не просто остались на плаву, но и с большой для себя выгодой. Тогда она еще не знала правила: большая удача выпадает лишь раз в жизни. То, что называется халевой, на что не затрачено никаких усилий. Если и дальше жить по инерции, рассчитывая только на это, наступает горькое разочарование.

Тогда она об этом не думала, просто радовалась. Вскоре Инна родила ребенка. Трудности мгновенно были забыты. Четыре года они ждали, пока все наладится, пока у них будет свое жилье. И вот наконец дождались! Шикарная трехкомнатная квартира! Мечта! И Ребенок!

Потом...

Она не помнила, когда появились ключевые фразы. Быть может, после первой ее истерики? Когда у первого банка отобрали лицензию и она испугалась за будущее своей дочери? Тогда муж сказал:

– Успокойся, Морозов что-нибудь придумает.

И тут же добавил:

– Все будет хорошо.

А потом она отгородилась словами:

– Я никогда не говорю о твоей работе.

Потому что он слишком уж часто говорил:

– Этого тебе знать не надо.

Теперь круг замкнулся. Ни одна ключевая фраза не могла ее успокоить.

«Все будет хорошо»? А как хорошо? Муж ей ответит? Его номер ответит? Нет, этого не надо! Если по его номеру ответит кто-то другой, это значит... Она похолодела от ужаса. Ей должен ответить Веник. Он сказал, что уезжает на два дня. Она не уточнила, когда муж вернется, в какое время суток. Скорее вечером. Завтра вечером. Быть может, это связано с новым банком? Какие-то тайны? Поэтому Веник не хочет выходить на связь. Надо подождать. До завтра.

Она немного успокоилась и взяла себя в руки. Блокнот положила на стол, так, чтобы номер мобильного телефона Дюшки все время был бы перед глазами. Посмотрела на часы: скоро закончатся занятия в гимназии у дочери, надо ее встретить. Надо одеться. И причесаться. Она и не заметила, как пролетели четыре часа!

Раздался звонок в дверь. Она подскочила. Веник?! Кинулась к входной двери, оттуда к бронированной двери, отделяющей квартиру от площадки с лифтами. Там стояла раскрасневшаяся Даша.

– Что случилось?!!

– Музыку отменили!

– Какую музыку?

– Урок!

– Почему же ты мне не позвонила?!

– Мама, у тебя телефон все время занят!

Похоже, номер мужа она набирала машинально и подолгу слушала металлическое «абонент не отвечает...».

– Я не успела приготовить обед, – рассеянно сказала она.

– Я не хочу есть! – выпалила Даша и побежала в свою комнату.

Привычный порядок вещей был нарушен. Она не встретила дочь из школы, не приготовила обед и так и не услышала голоса любимого мужа.

Чтобы как-то успокоиться, вечером она пошла на педикюр. Душистая теплая вода, в которой ее ногам было приятно, и гидромассаж успокаивали. К этому мастеру она ходила давно, обычно они мило болтали, пока женщина работала. Сегодня Инна была не склонна к разговорам, сидела, листала журналы, пила зеленый чай. Она всегда следила за цветом лица и пила мало кофе. Вышколенная мастерица по ногтям богатых клиенток молча натирала ее розовые ступни скрабом.

– Правую ножку опустите в воду. А левую – мне.

Здесь брали деньги за сервис. Эту работу в любом другом месте могли бы сделать не хуже, а может, и лучше за гораздо меньшие деньги, щедрее расходуя и соль для ванн, и скраб, и крем, и без записи на месяц вперед. Здесь платили за сваренный кофе или зеленый чай (на выбор), за умение почувствовать клиента, что ему сегодня по душе – разговор или молчание? За просторное светлое помещение, красавицу-секретаршу в приемной, модные журналы, свежайшие, а не залистанные до дыр, глубокие мягкие кресла, плазменный телевизионный экран в каждой комнате. За престиж.

– Как будем красить ногти?

Инна заколебалась.

– А что сейчас модно?

– Розовый. Изумительно сочетается с загаром. Вы когда летите отдыхать?

Удар был в самую точку. Она с трудом сдержалась.

– Не знаю.

– У мужа много работы?

– Я не знаю, когда будет отдых. То есть отпуск.

– Значит, бордо! Глубокий винный цвет, классика. А перед отпуском сменим лак. На ногтях можно сделать рисунок в виде...

– Ах, нет! – перебила Инна.

Это была двойная работа. Не просто покрасить ногти, а еще и нанести на них рисунок. С блестками или же со стразами. Это стоило вдвое дороже, а ей сейчас надо экономить.

– Давайте остановимся на классике, – сказала она. – Сдержанная простота.

– Хорошо, – кивнула женщина и пошла за лаком.

Инна была довольна собой. Она сэкономила! Надо учиться жить по средствам. Она еще не представляла, насколько ее жизнь осложнилась. Ей казалось, что раза в два. На стоимость рисунка на покрытых лаком ногтях. Раньше она могла его себе позволить, а теперь нет. Никто не в состоянии оценить глубину пропасти, в которую падает, пока не коснется дна, поэтому в самом начале полета, вместо того чтобы заложиться на его длительность, бездумно расходуя средства, при помощи которых можно было бы спастись. Вместо того чтобы сказать себе «еще не время», человек ждет перемен к лучшему. А сначала надо понять: что, собственно, случилось? Оценить ситуацию и принять какие-то меры. В корне изменить свою жизнь, затаиться на время. Взять тайм-аут. Авось и пронесет.

Инне казалось, что она их приняла, эти меры. Она расплатилась кредиткой и вышла из салона красоты во вполне сносном расположении духа. Подумала, что завтра вечером муж вернется, как обещал, и жизнь наладится. Подумаешь, не позвонил! Теперь она с легкостью отно-

силась к тому, чего еще вчера не в состоянии была принять. Мама права. А что, собственно, случилось? Ну, не позвонил.

Надо дожидаться вечера и поскорее лечь спать. Она так устала! Сегодня четверг. Пятница – конец рабочей недели. Все правильно: завтра Веник вернется. И они поедут за город. Выходные они, как правило, проводят там. Дом гораздо больше, чем их квартира, в престижном месте. Можно было бы жить там. Веник предлагал. Но Даша, школа... Ей не хотелось менять привычный образ жизни. Сначала надо купить вторую машину, чтобы ездить по магазинам и возить дочь в гимназию по утрам. Инна всячески оттягивала этот момент. Московские пробки внушали ей ужас. Хорошо, когда все под рукой: магазины, школа, бассейн, фитнес-клуб, салон красоты.

В бассейн она, правда, ездила на такси. Все было просто: договор на месяц, и в назначенное время к дому подъезжает машина, в которую садятся они с Дашей. По окончании сеанса такси подается к выходу из бассейна. Удобно и просто. Летом они жили за городом, у них там был свой небольшой бассейн. Договор возобновлялся в сентябре. За ними уже была зарезервирована машина, вполне их достойная. Веник об этом позаботился.

Перед сном она еще раз набрала номер мужа и услышала все то же. Но на этот раз все-таки уснула, сказав себе: «Все будет хорошо».

Утро началось, как обычно. Она встала первой, приготовила завтрак Даше, даже проводила ее в школу. Вечером должен был приехать из командировки муж. Она даже назначила себе время: девять часов. Крайний срок – десять. Хотя в конце мая светло чуть ли не до одиннадцати. Веник не любит ездить ночью. И в сумерках. Значит, он вернется не позже десяти.

Успокоившись, она стала готовиться к приезду мужа. Сходила в магазин, приготовила мясо, как он любил. Потом занялась своей прической и нарядом. Во второй половине дня они с Дашей съездили в бассейн, все, как обычно. Приехали к девяти, она тут же посмотрела на окна: дома? Досадно, если он вернется раньше, чем они с дочерью приедут из бассейна. Окна были темными. Она даже обрадовалась: успела!

– Даша, быстрее! Скоро папа приедет!

Она поставила в духовку мясо. Все было готово, только разогреть. Посмотрела на часы: а салат? Его любимый греческий салат! На какое-то время ее отвлекла суета на кухне. Мытье и резка овощей, возня с мясом, мытье посуды. Когда она посмотрела на часы, было уже начало одиннадцатого. Веник не появлялся. Она опять схватилась за телефон.

– Абонент не отвечает...

Вот тут ей и стало опять тревожно. Приближался час «Ч», точка невозврата. После нее жизнь Инны Козловой уже никогда не вернется в прежнее русло. Которое пересохло, пока она делала педикюр, бегала по магазинам и плавала в бассейне. Разумеется, это успокаивает нервы, но никак не решает проблемы.

По квартире распространялся восхитительный запах тушеного мяса, она же сидела на кухне, на диване, бессильно опустив руки.

– А где папа?

Даша стояла на пороге.

– Мама, мы ужинать будем?

– Да, конечно.

– Когда?

Все кончено. Его нет, телефон не отвечает. Точка невозврата. Они с дочерью только что ее прошли.

– Иди мыть руки и садись за стол.

– А папа?

– Иди мыть руки!

Что же делать?

Глава вторая

Она думала об этом весь вечер и всю ночь. На туалетном столике лежал открытый блокнотик в золотом переплете. Утром она поняла: надо звонить Дюшке. Машинально посмотрела на часы. Рано. Избалованная молодая женщина, у которой полон дом прислуги и нет детей, наверняка не встает раньше полудня.

Какого черта! У нее же муж пропал!

Инна решительно протянула руку к мобильному телефону. Гудки пришлось слушать долго, очень долго, потом наконец в трубке раздался хриловатый, но полный неизъяснимого очарования голосок Дюшки:

– Какого черта!

– Евдокия, извините меня, ради бога, но...

– Господи, кто это?!!

– Инна.

– Какая еще Инна?!!

– Инна Козлова, жена вице-президента банка. Вашего банка.

– А...

Дюшка хотела наговорить ей грубостей, но сдержалась. Зевнув, она наконец-то спросила:

– Что случилось?

– Видите ли, у меня муж пропал.

– Как пропал? – хихикнула Дюшка.

– Олег Васильевич дома?

– Дома, где ж ему быть?

– Вы не могли бы... Не могли бы спросить у него...

– Ты с ума сошла! – зашипела Дюшка. Инна живо представила себе ее злющие зеленые глаза, прямо как у кошки, и медную вздыбленную шерсть. – Восемь утра! Какая же я дура, что забыла отключить мобильный телефон! Но я вчера так устала... Свалилась на кровать как подкошенная, совершенно без сил. Мы гуляли в ресторане, на именинах у...

Она назвала имя поп-дивы со скандальной репутацией. Потом стала делиться подробностями:

– Ах, сколько же там было звезд! Весь столичный бомонд! На мне было короткое алое платье и колечко с мелкими изумрудами. Хоть Морозов и говорит, что к этому платью изумруды не идут, зато они идут к моим глазам. Я была одной из самых красивых женщин на этом празднике жизни! Ах, как же я была хороша! А что мы ели, что пили! Представляешь...

– Все это очень интересно, – виновато сказала Инна, оборвав поток ее воспоминаний, – но мне не к кому больше обратиться. Я хочу знать, что с ним?

– С кем?

– С моим мужем.

– А я-то здесь при чем?

– Он уехал в командировку. В среду утром. И не позвонил мне.

– Ну и что?

– Сегодня суббота. Он не вернулся и не позвонил.

– Может, загулял? – предположила Дюшка.

– У моего мужа нет любовницы, – сухо ответила она.

– Да брось! У всех этих богатых козлов есть любовницы! И у моего козла тоже! Потому что он самый козел из всех! Чем больше денег, тем козел козлее!

Ее фамилия была Козлова. Дюшка склоняла ее на все лады, вовсе не заботясь о том, что при этом чувствует собеседница. Инне было крайне неприятно, при других обстоятельствах она швырнула бы трубку, но сейчас приходилось терпеть.

– Так что успокойся, – добавила Дюшка, закончив с козлами.

– Но... Я понятия не имею, что мне теперь делать! Что делать, если он так и не объявится?

– Обратись в милицию.

– Я рассчитывала на вашу помощь. Пропал вице-президент банка, – жалобно сказала она.

– Давай до понедельника, а? Морозов не расположен к разговору о делах. Сегодня суббота. В субботу он пьет.

– Но они же с Веней друзья!

– Его друзья – деньги, – сердито сказала Дюшка. – Так что расслабься. Если Козлов ему еще нужен, он, быть может, и дернется. Если уже нет, то вряд ли.

– Но...

– Я тебе перезвоню, – поспешно сказала Дюшка и дала отбой.

Инна кусала губы, стараясь не заплакать. Это была единственная ниточка, единственная ее надежда. Да и та оборвалась.

Что же теперь делать?

Она попыталась выстроить свою жизнь без Веника, и у нее ничего не получилось. Она вяло подумала: сегодня двадцать пятое мая. Надо оплатить счета. А где они, эти счета? Должно быть, в сейфе. А где их оплачивают?

В этот момент раздался телефонный звонок. Она подскочила. Дюшка! Или... Веник? Ее ждало разочарование. Звонила мать.

– Инна? Почему ты мне не позвонила?

– Я думала... Думала, он придет, как обещал, через два дня.

– Не приехал?

– Нет, – упавшим голосом сказала она.

– Ну-ну, успокойся.

Голос матери был растерянным. И это «успокойся» звучало как-то неуверенно. Неубедительно.

– Что же теперь делать?

– Обратись в милицию.

– Да, наверное, ты права.

– Или по месту его работы.

– Уже обратилась, – горько сказала она.

– И что?

– Меня послали. Сегодня суббота, мама. Не до меня. Люди отдыхают. Едут за город, идут в рестораны, на модные премьеры. Просто пьют. Те, у кого нет средств на рестораны и модные премьеры, выезжают за город.

– Ты ведь тоже так делала. Представь, что в прошлую субботу, когда вы с мужем жарили шашлыки в своем прелестном обустроенном саду, тебе позвонила бы жена одного из его сотрудников и попросила о помощи. Что бы ты сделала?

– Мама! Вечно ты со своей философией! Со своей дурацкой привычкой ставить себя на место другого человека и пытаться его понять!

– Но что в этом плохого?

– Я не думала, что это может случиться со мной.

– Так ведь никто не думает. Зато теперь ты узнаешь, кто тебе по-настоящему друг, а кто враг, – наставительно сказала родительница.

– Я уже поняла, что от тебя помощи не дождешься!

– Я понимаю, что тебе сейчас плохо. Поэтому ты можешь меня оскорблять.

- Что же мне теперь делать?
- Инна, успокойся. Все не так плохо. Ты обеспеченная женщина, у тебя есть квартира, дача, машина...
- На машине муж уехал в командировку, – напомнила она.
- У тебя остались квартира и дача.
- Но в квартире я живу!
- У твоего мужа, должно быть, много денег. Он исчез, но деньги-то остались!
- Какие деньги?! Его кредитки нет! Может быть, у него и были какие-то счета, но я о них ничего не знаю!
- Как же так?
- Он говорил... Говорил... – она судорожно сглотнула. – Веня все время говорил: «Этого тебе знать не надо». И еще: «В случае чего Морозов о тебе позаботится».
- Ну и?..
- Мне записаться к нему на прием?
- Конечно! Конечно, записаться! Напомнить ему о его обязательствах.
- Мама! Ты не знаешь Морозова!
- К счастью, не знаю, – сухо сказала мать.
- Это разговор ни о чем. Пойду спрошу у консьержки, где находится ближайшее отделение милиции.
- Ты и этого не знаешь?!!
- Ну откуда, мама?! – повысила голос и она.
- Инна, ты как ребенок!
- А кто меня так воспитал?
- Я научила тебя всему! Ты не росла белоручкой! Когда ты вышла замуж, ты умела стирать, гладить, готовить, немного шить. Даже в общежитии в твоей комнате всегда было уютно и чисто. Тебя избаловал муж.
- Но я по-прежнему все это умею!
- Тогда почему ты паникуешь?
- И в самом деле! – горько рассмеялась она. – Какая мелочь: муж пропал! Зато я умею готовить и немного шить! Ладно, мама, я побежала к консьержке. Я тебе перезвоню.
- Да куда ты теперь денешься, – вздохнула та.
- Она оделась, наскоро причесалась и спустилась вниз. Обычно она поспешно пробегала мимо окошка, из которого на нее смотрела приветливая (или же напротив, сердитая) бабулька. Эти старушки такие липучие! Им бы только зацепиться языком. Ну о чем с ними можно говорить?
- Сейчас же она, выйдя из лифта, поднялась на несколько ступеней вверх, на площадку, где были почтовые ящики, и нерешительно постучалась в дверь, за которой находилось служебное помещение.
- Иду, иду! – раздалось оттуда.
- Дверь распахнулась, она вошла и огляделась. В узкой, но длинной комнате Инна увидела письменный стол, на котором горой лежали тетради и книги, а в углу на тумбочке небольшой телевизор, по которому шел популярный сериал.
- Добрый день, – вежливо сказала она.
- Здравствуйте, Инна Александровна. Вы деньги принесли?
- Какие деньги?
- Она удивилась. Ее называли по имени-отчеству! Сама Инна понятия не имела, как зовут консьержку! И о том, что должна ей какие-то деньги тоже.
- Плата за месяц.
- Вы имеете в виду счета?

– Вы и показания счетчиков принесли? – удивилась консьержка. – Обычно это делает ваш муж. Сегодня двадцать пятое. Надо сдать показания счетчиков. И плата консьержу за истекший месяц. А может, Вениамин Борисович уже платил? Минутку, я посмотрю.

Сухонькая старушка в темном жакете придвинула к себе общую тетрадь в клетку и принялась ее листать. Она молча ждала.

– Нет, не платили Козловы!

– А... сколько?

– Двести пятьдесят рублей.

Инна молча полезла в кошелек. Мелочи не было, и она достала пятисотенную купюру.

– Где ж я возьму сдачу? – заволновалась консьержка.

– Не надо сдачи, – легкомысленно сказала она. – Можно заплатить за следующий месяц?

– Конечно, конечно! – засуетилась бабулька. – Я сейчас запишу: Козловы, за два месяца.

– Скажите... – она судорожно сглотнула, – а где находится ближайшее отделение милиции?

– Что-то случилось?

– В общем-то... – «Пойдут сплетни», – подумала она. – Ничего особенно. Так, мелочь. Я просто хотела узнать.

Старушка оказалась довольно толковой, Инна вскоре поняла, где находится «новый кирпичный дом рядом с автобусной остановкой».

– Спасибо, – поблагодарила ее Инна.

– И не забудьте занести показания счетчиков! Вениамин Борисович что, в командировке?

– Да.

– А надолго?

«Ну вот! Начинается!» Она ответила неопределенно, ни да, ни нет. И поспешила уйти.

– Это надо сделать сегодня! – крикнула ей вслед консьержка.

«Где находятся эти счетчики? – мучительно думала она. – То есть где они находятся, я знаю. Но как списывать показания? Не то чтобы я тупая, но я же никогда этим не занималась!»

В милицию она тоже никогда прежде не обращалась. Ее жизнь текла ровно и гладко; каменная стена, обожаемый муж, надежно защищала от опасностей. Быть может, у Веника и были какие-то проблемы с законом, но Инну он в это не посвящал. Она пошла в милицию пешком, ей показалось, что это недалеко. Но идти пришлось минут двадцать.

Она робко остановилась у проходной. Из фильмов и книг Инна знала, что менты – это крайне неприятные люди, необразованные, некультурные. И что они все время пьют водку. А еще матерятся, выбивают показания и признания резиновыми дубинками и берут взятки. То есть раньше они были другие, во времена, когда она училась в школе и читала детективы о советских сыщиках, умных, честных и справедливых, а на фильмы о них, очень хорошие, кстати, у экранов собиралась вся страна.

Потом все перемешалось: менты, бандиты... Появились «оборотни в погонах» и «справедливые» бандиты. Которые также убивали и грабили, но в отличие от ментов делали это благородно, или «по понятиям». О них тоже стали писать книги и снимать фильмы. Иногда, кстати, хорошие. На которые к экранам тоже собиралась вся страна. Инна все это добросовестно читала и смотрела, ведь надо же что-то читать и смотреть, а по телевизору только это, и в газетах тоже.

В результате у нее в голове образовалась каша, а в душу закрался страх. Она стала, как и все, бояться любого, даже самого незначительно контакта с представителями власти. Особенно с милицией. Бояться людей в форме, резиновых дубинок и оскорблений, потому что ничего другого от них теперь не ожидала. Но сейчас ситуация была безвыходной. Муж пропал. Инна дрожала, как осиновый лист, вспоминая особенно яркие подробности газетных статей и броские заголовки. Наконец она решилась и вошла.

На проходной ее вежливо спросили: «Девушка, вам что?» Она объяснила, что у нее пропал муж, и ее все так же вежливо попросили пройти в дежурную часть.

– Окно напротив входной двери. Там написано.

К ее удивлению, здание было новеньким, с иголочки. Она читала (или смотрела?), что у ментов зарплата маленькая, а бюджетных средств не хватает. В том числе на транспорт, на оргтехнику, даже на столы и стулья. Что они сидят друг у друга на головах. И вообще хамы.

В дежурной части на нее не накричали, к ее огромному удивлению. И человек, который там сидел, был хоть и в погонах, но чисто выбрит и трезв. Выслушав Инну, он вежливо объяснил, куда пройти. На второй этаж и направо. Услышав «уголовный розыск», она сильно испугалась и по коридору шла уже на ватных ногах. До кабинета, где висела табличка: «Уголовный розыск, капитан Крутов С.Ф.».

И опять удивилась. В просторном светлом помещении, где мебель была в идеальном состоянии, а на окнах жалюзи, сидел один-единственный человек. Судя по всему, ни с оргтехникой, ни с транспортом проблем у него не было. На столе она увидела городской телефон, рядом два мобильных. Вообще, здесь, в отделении милиции, было чисто и культурно. Ремонт, как в каком-нибудь офисе в центре Москвы. Никто не плевал на пол, не матерился, пустых бутылок из-под пива и водки на подоконниках не было. А в коридоре, по которому она шла, стоял новенький ксерокс. Еще она заметила нескольких женщин в форме. Некоторые были красивыми, и форма им шла. Они знали это и носили туфли, хотя и строгие, но на высоких каблуках. Короткие форменные юбки открывали округлые колени, которые казались из-за этого особенно заманчивыми. Здесь работало много мужчин, поэтому и женщины шли сюда охотно, охотно надевали форму, не забывая при этом красить губы и делать маникюр.

– Здравствуйте, садитесь, – вежливо предложили ей.

Она села.

– Что случилось?

– У меня муж пропал.

– Где вы живете?

– Здесь. – Она слегка растерялась.

– Где здесь? Адрес, по которому вы прописаны? Давайте ваш паспорт.

– Паспорт?

– Девушка, вы куда шли? – слегка рассердился мужчина, на вид лет тридцати, в штатском, похожий на какого-нибудь офисного работника. Невыразительное лицо, коротко стриженные волосы, узкие губы. На пальце правой руки она заметила обручальное кольцо. Кольцо...

Невольно она посмотрела на свою руку, где сиял бриллиант, подарок Веника, и расплакалась. Он тут же поднялся:

– Выпейте воды. Успокойтесь.

Она взяла протянутый ей стакан и сделала несколько мелких глотков.

– Давайте так: паспорт вы мне принесете в следующий раз. Идет? – Он улыбнулся и сразу же стал вполне симпатичным.

Она кивнула.

– Так, где вы прописаны?

И тут она наконец сообразила. Прописана-то она у мамы! Так получилось. Родители мужа ее к себе не прописали, да и мама сказала: мало ли что? Ее квартира неприватизированная, в случае чего останется дочери. Потом Веник купил квартиру, в которой они сейчас жили. Даша прописана там, потому что поликлиника, школа и так далее. А Инна так и осталась в Подмоскovie, у матери. Она вздохнула и сказала:

– Я прописана у мамы. А муж – здесь.

– Он – собственник жилья?

– Да, конечно.

– А у вас есть его паспорт? – Увидев, что ее что-то смущает, мужчина добавил: – Документы на квартиру?

– Да, конечно.

Документы лежали в сейфе, она вспомнила, что видела их.

– Вы мне их принесете. Вместе со своим паспортом.

Она понятия не имела, зачем это нужно, но кивнула.

– А теперь: что случилось?

– Муж пропал, – уже гораздо спокойнее сказала она.

– Когда это случилось?

– В среду. Он уехал утром в среду. В командировку. И с тех пор не звонит.

– А с чего вы взяли, что он пропал? И с ним что-то случилось? Ну, не звонит.

– Но он должен был вчера приехать! – заволновалась Инна. – Он сказал: на два дня.

– Дела задержали.

– Но почему тогда он мне не позвонил? Не предупредил?

– Вы хорошо живете со своим мужем?

Она вспыхнула:

– Да!

Ее собеседник вздохнул:

– Видите ли... Как вас зовут?

– Инна. Инна Александровна Козлова, – поправилась она.

– Крутов Сергей Федорович. Вот и познакомились. Давайте, Инна Александровна, побеседуем без протокола. Ваш случай типичный. Ну, загулял супруг... – Капитан Крутов вновь приятно улыбнулся. – Кем он, кстати, работает?

Она всхлипнула:

– Вице-президент банка.

– Ого! Тогда почему вы не обратитесь по месту его работы? В Службу безопасности?

– Куда?

– У каждого банка есть служба безопасности.

– Я не знала.

– А говорите – живете хорошо. Выходит, сплошные тайны? Я говорю: у мужа от вас были тайны. Так что не волнуйтесь. Объявится ваш супруг. Когда, вы говорите, он должен был вернуться?

– Вчера.

– Ну вот, – довольно потер руки капитан Крутов. – Пятница, суббота, воскресенье... Как раз три дня. Подождем до понедельника.

– Но от него со среды никаких вестей! – заволновалась она.

– Выпейте водички. Не волнуйтесь. Приходите ко мне в понедельник, с паспортом, с документами на квартиру. В первой половине дня. Я буду в первой половине дня. Если хотите, можете прийти после обеда, будет другой человек...

– Нет-нет! Уж лучше я к вам!

– Ну, как хотите. А куда он поехал?

– В Саратов.

– На чем?

– На машине.

– Один или с кем-то?

– Он поехал один на своей машине.

– А какая у него машина? – с любопытством спросил капитан Крутов.

– «Legend». Хонда «Легенда». Мы ее недавно купили. В салоне.

– Ого! – присвистнул ее собеседник. И весь официоз с него слетел. – Из-за такой машины и грохнуть могут! Это ж целое состояние!

– Что вы такое говорите!

– Я говорю, что для вице-президента банка ваш муж ведет себя странно.

– Я никаких странностей за ним не замечала.

– Давайте я на всякий случай запишу номер вашей машины. Это не трудно: пробить по базе. Такая машина не иголка в стоге сена. Не затеряется.

Он взял ручку и приготовился записать. Она наморщила лоб:

– Номер? То ли три-семь-семь. То ли пять-семь. А буквы... Нет, не помню.

Капитан Крутов посмотрел на нее с удивлением:

– Не помните номера своей машины?!!

– Ах, они менялись так часто!

– Ну-ну. – Он отложил в сторону ручку. – Вы мне его скажите в понедельник. Трудновато с вами будет, Инна Александровна. Если и в самом деле с вашим мужем что-то случилось.

Она нехотя поднялась.

– Я уж не знаю, что и думать.

– Что, воображение разыгралось? – Он улыбнулся.

Она опять вспыхнула:

– Как вы можете шутить! Человек пропал!

Он тоже поднялся. Улыбка с лица сошла.

– А вы знаете статистику? Сколько людей пропадает ежегодно? Десятки тысяч! И все их родственники приходят к нам. До смешного иной раз доходит. Супруга в истерике бьется, а он у любовницы, в теплой постельке, или запил. Отдохнуть решил от семейной жизни. Заснул в гараже, проснулся – похмелился. Потом опять заснул. И так три дня. Сказал: уехал в командировку, а сам...

– Но мой муж не такой!

– Откуда вы знаете, такой он или нет? Поэтому я и говорю: надо подождать, – уже гораздо тише сказал капитан Крутов. – Приходите в понедельник.

– До свидания.

Она вышла, заливаясь слезами. Вот она, наша милиция! С одной стороны, не нагрубили, не нахамил. Научились посылать культурно и вежливо. И даже с улыбкой. Она чувствовала себя обиженной. Почему они так? Причем все! Мама, Дюшка, капитан Крутов. Сразу: у любовницы. Загулял. Или запил. И это в стране, где криминал на каждом шагу! С такой ужасающей статистикой!

Она стояла у проходной, соображая: что же теперь делать? Куда идти? Домой, куда же еще! Надо ждать до понедельника. Но ждать невыносимо. За два дня она с ума сойдет. А как она раньше любила выходные! Они с Веником всегда проводили их вместе. «Мама, папа, я – дружная семья». Разве что поехать в загородный дом? Одной? Почему одной? С дочерью! Вызвать такси! А вдруг муж объявится?

Она очередной раз автоматически достала мобильный и нажала на кнопку вызова.

– Абонент не отвечает...

Инна побрела к дому. Или ей показалось, или... Нет, показалось. Она обратила внимание на машину лишь только потому, что это были «Жигули». С тонированными стеклами. Иномарки, причем самые модные и самые дорогие, здесь были не редкостью. А вот «Жигули»... Подержанные, сильно потрепанные и не последней модели. И – грязные. Вторая половина мая в этом году была жаркая и сухая, а, следовательно, пыльная. Но на то есть мойки. Эта машина в мойке давно не была. Толстый слой пыли покрывал ее капот и стальные бока, она даже заметила помятый порог и ржавчину на крыльях. В машинах Инна разбиралась неплохо, потому что очередную покупку Веник всегда обсуждал с ней. А она терпеливо слушала, потому что

надо знать, чем дышит муж. Надо поддерживать разговор, который ему интересен, если ты идеальная жена.

Эти «Жигули» показались ей подозрительными. Мало того что с тонированными стеклами, еще и едут слишком уж медленно. Она вздрогнула. Господи! Да они же за ней едут! Она их уже видела! Когда вышла из дома и отправилась искать ближайшее отделение милиции! Эта машина стояла у их подъезда! Номеров она, разумеется, не запомнила, к тому же они в пыли, но такая машина около их элитного дома – редкость! Господи! Да за ней следят! Ее преследуют!

Инна круто развернулась и побежала обратно в милицию.

Пронеслась через проходную, ее не остановили, лишь крикнули вслед:

– Что-то забыли, девушка?

Она влетела в кабинет к капитану Крутову и выпалила:

– За мной следят!

– Успокойтесь. Выпейте водички.

У всех есть ключевые фразы. Здесь, в милиции, это «Успокойтесь, выпейте водички».

Она разозлилась и повысила голос:

– Вы что, не слышали? За мной следят!

– Вам показалось.

– Да? Показалось?

Она засмеялась и тут же зарыдала. Это была истерика.

– Разберемся, – неопределенно сказал капитан Крутов.

– Разберемся?! Да сделайте же что-нибудь! Я не выйду отсюда! Мне страшно! – закричала она и вдруг вспомнила: – Даша! У меня ребенок дома один!

Она дрожащими руками достала мобильный. Ей показалось, что гудки в телефоне длятся вечность. Ноги стали ватными, сердце ухнуло вниз, в желудок, потому что ее затошнило от страха, а в груди образовалась пустота. Капитан Крутов внимательно наблюдал за ее манипуляциями.

Наконец в трубке раздался капризный голосок Даши: «Але». Она закричала:

– Даша! Почему ты не берешь трубку?! Ты меня с ума сведешь!!! Дверь никому не открывай, слышишь?! И из дома не выходи!

– Ну, мама...

– Я кому сказала!!! – не своим голосом закричала она. – Я сейчас приду! Без меня – ни шагу!

– Ладно, – нехотя ответил ребенок.

– Я вас провожу, – вызвался капитан Крутов. – Идемте.

Из проходной они вышли вместе. Инна вцепилась в его локоть.

– Ну? Где же ваш маньяк? – Он огляделся по сторонам.

– Не знаю.

– Что это было? Или кто?

– «Жигули» с тонированными стеклами.

– А может, вам показалось?

– Ну, знаете! – Она выдернула свою руку из-под его локтя.

– Галлюцинациями не страдаете? – с интересом спросил он. – Психическими расстройствами?

– У меня устойчивая нервная система.

– Оно и видно, – хмыкнул он.

– Почему вы, милиционеры, всех подозреваете во вранье?

– Работа такая. Где вы живете?

Она неопределенно махнула рукой:

– Там.

– Идемте.

Какое-то время они шли молча. Инна все время оглядывалась, но подозрительной машины поблизости не было. Неужели показалось?

– Чем занимался ваш муж? – заговорил наконец капитан Крутов.

– Я же говорю: вице-президент банка.

– Что за банк?

– «Бикини-Банк».

– Как-как?

– Я же сказала: «Бикини-Банк», – повысила она голос. Устойчивая нервная система дала сбой. Слишком много потрясений для одного дня.

– Как-то все это... – капитан хмыкнул, – забавно.

Она сообразила: я же старше! А он – мальчишка. Важничает, потому что в милиции работает. Как же! Вершитель судеб! Инна перестала его бояться. Победа над одним из страхов, страхом перед милицией, стала началом длинной цепочки. В самом ее конце в результате цепной реакции зажегся огонек. Голова стала ясной, сердце уже не билось так часто. Она перестала бояться вообще. На время, но перестала.

– Вон он, мой дом, – сухо сказала Инна. – Сама дойду.

– А как же маньяк? – улыбнулся он.

– Кто сказал, что это маньяк?

– Да уж, маньяк вами вряд ли заинтересуется.

– Вы что имеете в виду? – разозлилась Инна, которая не без оснований считала себя женщиной привлекательной.

– Я говорю – не типаж. Нервная дамочка и слишком уж подозрительная. Вы к себе и нормального мужика не подпустите, не то что...

Она с возмущением произнесла:

– Всего хорошего!

И пулей понеслась к дому.

– Приходите в понедельник! – крикнул ей вслед капитан Крутов.

И пошел в противоположную сторону.

«Век бы тебя не видеть», – подумала Инна, взлетая по ступенькам. Перед тем как набрать код, оглянулась. Машины с тонированными стеклами не было. Ее никто не преследовал.

– Открой, это я, – нетерпеливо сказала она, услышав в домофоне дашин голосок.

– Кто я?

– Мама!

Раздался писк, похожий на мышиный. Тяжелая дверь открылась. Инна направилась к лифтам.

«Нервная дамочка», – вспомнила она. – Станешь тут нервной! Три дня в кошмаре! И ни от кого ни помощи, ни поддержки! Лида! Ну, конечно!» Она подумала, что надо позвонить подруге. Лида умная. Может, она что-нибудь посоветует? И свяжется с бывшим мужем? Ведь они с Инной Козловой так давно дружат!

– Мне никто не звонил? – спросила она у Даши. Разумеется, у всех есть мобильные, но вдруг? Вдруг кому-то придет в голову мысль позвонить на домашний?

– Нет. Мама, а где папа?

– Бельчонок, я не знаю, – честно ответила она.

– А почему мне нельзя никуда выходить?

– Не знаю.

– Мама, ты такая странная!

Она крепко обняла Дашу, тихо спросила:

- Ты папу любишь?
- Конечно.
- Тогда придется потерпеть.
- Он нас бросил, да?
- Нет. С ним что-то случилось, но... Он нас не бросил.

Даша высвободилась и спросила:

- Мама, можно я погуляю?
- Нет, нельзя.
- Но не могу же я целый день сидеть дома!
- Знаешь что... – Инна на минуту задумалась, потом решительно сказала: – Мы поедем

в гости!

И принялась звонить подруге. Лида жила в пригороде в коттедже, который оставил ей при разводе Морозов. Разводились они со скандалом, плохо, хотя женились по любви и семь лет неплохо ладили, родив двоих детей. Их развод был неожиданным, чего уж говорить о скандале! Все только удивлялись. Надо же, какое дерьмо вылезает из людей, когда дело доходит до дележа имущества! Годами копили, не иначе. И дерьмо, и деньги. И вот оно полезло! Теперь и они все в дерьме, и их деньги. Вот тебе и счастливая семья, мама, папа, я! Морозов переписал в квартире и загородном доме все, вплоть до чайной ложки и подстаканников. И все это оценил. Его адвокат долго зачитывал список, так, что лысина вспотела, а судья чуть не заснула. Процесс длился целую вечность, потом его результаты долго оспаривались. В итоге Лиде при разводе отошел коттедж, ему – московская квартира. Она стала владелицей небольшого бизнеса и сумела выторговать солидные алименты. Впрочем, взяла деньги сразу, за все те годы, что муж должен был ей выплачивать пособие на детей. Вплоть до их совершеннолетия. Деньги Лида вложила в свой бизнес и не прогадала. Морозов откупился, но Первую после этого возненавидел. Лида отвечала ему тем же.

Жила она неплохо, хотя и не в роскоши, имела молодых любовников и часто ездила отдыхать за границу. Морозов ей практически не помогал, хотя с детьми встречался. Но четко разделял то, что причиталось им, и что – их матери. Умудрялся делать так, что Лиде практически ничего не перепало. Морозов всегда шел на принцип, он считал, что первая жена его обобрала, что она особа скандальная и безнравственная. Ты подумай! Изменяет ему направо-налево с какими-то сосунками! Хотя они давно уже были в разводе, Морозов по-прежнему считал Лиду своей собственностью, ведь она была матерью его детей.

Вообще, отношения между Лидой и Олегом Морозовым были сложными, Инна до сих пор не могла понять, почему они развелись. Они были прекрасной парой. Пожалуй, только Лида соответствовала его амбициям, хотя красавицей ее назвать было сложно, но что-то такое в ней было. Лида единственная ему не уступила, пошла на принцип. Она была женщиной решительной, волевой и с мозгами. Он ее за это ненавидел, но уважал. Приди она к нему, упали в ноги, вылижи его ботинки, он выгнал бы всех своих жен. Вторую, Третью, Четвертую и даже красавицу Дюшку. И жил бы с Лидой, упиваясь ее унижением. Для такого человека, как Морозов, победа в постели ничто не значит по сравнению с победой над Личностью. Над тем, кто оказал сопротивление и не безуспешно. Властью над людьми – вот чем он всегда упивался.

Инна все это знала. Все было у нее на глазах. И их развод, и скандалы. Она знала также, почему Лида возит младшую дочь именно в эту гимназию. Во-первых, элитная, во-вторых, подруга рядом. Если шофер застрял в пробке, Кате не обязательно дожидаться его в школе или у дверей, можно зайти к Козловым. Девочки дружат.

Лидия Морозова отвозила Катю сама, по дороге в офис, в Центр. Ей приходилось закладывать время на пробки, а потому вставать очень рано. Инна впервые задумалась: «А во сколько?» Но Лида не привыкла отступать перед трудностями. Ее Старший был уже вполне самостоятелен, в пригород из школы добирался сам, он учился в лицее при том же техниче-

ском вузе, что заканчивал и его отец. Десятилетняя Катя была в маму, гуманитарием. В элитной гимназии, где они учились в одном классе с Дашей Козловой, предпочтение отдавалось изящным искусствам и словесности. А также языкам.

Теперь Инна небезосновательно рассчитывала на помощь единственной подруги. Она же ей помогала! Пусть свяжется с бывшим мужем, пусть обратится к нему с просьбой!

– Инна, привет! – бодро откликнулась Лида. Настроение у той было отличное, чего не скажешь об Инне Козловой.

– Привет, – кисло сказала она.

– Что-то случилось? – насторожилась Лида.

– Да. Веник пропал.

– Как пропал?

Инна как по нотам и без запинки отбарабанила пьесу «Пропал муж». Последние три дня она только об этом и говорила. Лида не перебивала, но и сочувствие не выражала.

– Ну что ж, – под конец сказала она, – приезжай.

– И это все?

– А чего ты от меня ждешь?

– Позвони Морозову!

– Приезжай, поговорим, – уклончиво ответила Лида.

Сердце ее упало. Что-то в тоне подруги ей не понравилось, но Инна тут же стала собираться. Вызвала такси, потом пересчитала наличные. Деньги заканчиваются, надо снять с карточки. А еще за квартиру заплатить.

Она нашла счетчики и переписала показания. Кое-как разобралась. Вскоре и машина подъехала. Сидеть все выходные в московской квартире, ожидая вестей от Веника, было невыносимо. Телефоны никто не отменял, если надо будет, то он позвонит. У него есть все: телефон жены, телефон дочери, телефон Лиды, телефон ее дочери Кати. И даже это! Вениамин Козлов знает цену информации, поэтому собирает ее тщательно, по крупицам и везде, где только можно. Намывает золотой песок, который потом обращается в твердую валюту. И телефон Дюшки у него тоже есть. Веник старательно переписал его из золотого блокнотика жены в тот же день.

– Зачем тебе это нужно? – спросила она.

– Какая же ты глупая, – не удержался муж. – Разумеется, я мог бы обменяться с ней телефонами, но кто знает, как отнесется к этому Олег? Так проще.

– Морозов что, ревнивец? – округлила глаза она.

– Ревнует он единственную женщину, – она догадалась, что речь идет о Лиде. – Олег не выносит интриг. Зато это моя стихия. А тебе всего этого знать не надо, – подвел итог муж, захлопывая золотой блокнотик. – На, держи.

...И вот теперь она ехала к Лиде. Ехала с тайной надеждой, что все образуется. Они же подруги! Что-нибудь, да прояснится.

Глава третья

Была суббота, конец мая. Жара била все рекорды, мыслимые и немыслимые. У Инны уже была своя примета: если в мае жара, значит, лето будет прохладным. На все существует закон сохранения материи, и на природные явления в том числе. Синоптики могут обещать все что угодно, и новые рекорды температур тоже, но обольщаться не следует. Будут дожди, и будет прохладно. Инна планировала уехать, как только погода испортится, куда-нибудь на юг, в жаркие страны, но теперь поездка была под вопросом. Она знала, что и Лида собралась за границу, на модный курорт, но не знала куда.

Все, кто мог и хотел, из Москвы уже уехали. Еще с четверга за город потянулись караваны машин по всем направлениям. Вчера, в пятницу, были ужасные пробки, зато сегодня к обеду Москва практически опустела. В такую жару не до походов по рынкам и магазинам. Хочется лишь одного: воды и мягкой зеленой травы, на которой можно растянуться во весь рост и блаженно закрыть глаза. Инна предпочитала шезлонг, но от мягкой травки сейчас тоже бы не отказалась. Все это ей могла предоставить Лида: зелень, шезлонг и прохладительные напитки.

Доехали они быстро. Коттедж, в котором жила Лидия Морозова с детьми, находился недалеко от Москвы и их дома. Если бы не вечные пробки, дорога занимала бы полчаса, не больше. А так приходилось ехать и час, и полтора, а порой и два. Но к этому все давно уже привыкли. Пробки, неизменные спутники больших городов, научили людей приспосабливаться. В них теперь слушали музыку, смотрели кино, вели переговоры, читали книги, а женщины умудрялись даже красить ногти.

Инна Козлова машину не водила именно из-за пробок. Здесь знание дорожных знаков и правил не поможет. Кто наглый, тот и прав, у кого машина круче, тот и наглый. Можете жаловаться, но жаловаться бесполезно. В московских пробках торчат миллионы машин, поэтому законы перестают существовать. Власть еле-еле успевает на ДТП, часами приходится ждать! А машин в городе все больше и больше. Какие уж тут правила! По обочине, подрезая, иной раз и по встрече... Лишь бы успеть! Инна же всегда боялась того, чего не понимала и чем нельзя было управлять.

Водитель остановил машину у ворот двухэтажного коттеджа. Инна расплатилась и, подхватив сумку с вещами, направилась к дому. Даша семенила рядом, прижимая к себе плюшевого бельчонка. Калитка была приоткрыта, их ждали. Инна невольно вздохнула. Их загородный дом был и больше, и дороже, но в нем почему-то было неуютно. Может быть потому, что она, хозяйка, там не жила, а бывала только наездами? И все на их участке казалось искусственным: слишком уж ровные дорожки, ненатурально зеленая трава и цветы, словно из пластмассы. И сам коттедж, чистых строгих линий, с минимумом мебели, потому что муж любил открытое пространство, казался необжитым. Инна старалась ни до чего там не дотрагиваться, уборку делала приходящая домработница, газоны подстригал садовник. Там она превращалась в барыню, и это ее немного пугало. Если все за нее будет делать прислуга, ей-то что останется? Может, потому она и тянула с переездом. Ей хотелось, чтобы ее день был наполнен, чтобы время летело незаметно. Чтобы ее труд тоже замечали и ценили. Это главное.

Она невольно вздохнула. Как правило, в субботу в это время дня Веник начинал готовиться к шашлыкам. Именно так: начинал готовиться. Муж все делал основательно. Тщательно отбирал дрова, из которых потом получатся угли, коллекционировал рецепты и лично покупал на рынке репчатый лук и приправы, как будто от этого что-нибудь зависело. Странно, но ему ни разу не удалось создать настоящий кулинарный шедевр. Он ни разу не отступил от рецепта, не усомнился в написанном, не привнес что-нибудь свое, исходя из собственного многолетнего опыта. Ему не хватало полета фантазии и склонности к авантюрам, чего у того же Морозова было в избытке. К примеру, этот дом. Его строил Олег, здесь было много несуразностей, про-

порции местами нарушены, участок спланирован кое-как, но из-под земли словно бил источник энергии. Любой пришедший сюда ощущал здесь небывалый подъем сил.

По этому газону хотелось ходить, причем босиком. У Лиды до всего не доходили руки, какой-то участок сада был запущенным, где-то садовник схалтурил, а хозяйка не нашла сил и времени, чтобы с ним поругаться. Зато здесь были белые качели, горка, турники и выкрашенные красной краской лестницы, по которым, как обезьяны, лазили дети. Почему-то все они шли играть к Морозовым, на их неухоженный газон. Лида злилась, кричала, говорила, что всех разгонит. Но такая уж она была: скрывала доброе сердце под маской деловой женщины, бизнес-леди и, соответственно, злюки. Дети, которые тонко чувствуют людей, давно уже ее раскусили и перестали бояться.

Увидев все это, Даша обрадовалась, завизжала, отшвырнула бельчонка и кинулась в кругворот детских развлечений. Инна перевела дух: какое-то время за дочь можно не волноваться. А к ней же уже спешила подруга.

Лида была невысокой женщиной плотного телосложения, склонной к полноте, поэтому ей приходилось следить за своим весом. Морозова постоянно мучила себя диетами и доставала какие-то таблетки, в которых быстро разочаровывалась. Борьба за фигуру велась с переменным успехом, хотя уже было ясно, кому достанется победа. Лидия Морозова была женщиной умной, она это приняла, но сдаваться не привыкла. «Буду бороться до конца», – говорила она, отказываясь от пирожного или куска торта, который ей хотелось до смерти, это было видно по ее глазам, круглым и серым, с каким-то особенным блеском.

Зато у Лиды были густые темные волосы, и к тому же вьющиеся от природы, с которыми не надо было делать вообще ничего, чтобы они радовали глаз. Эта роскошь ежедневно подвергалась экзекуции, ее заплетали в косу, стягивали шпильками, убирали, прятали, безжалостно расчесывали. Но коса все равно была толщиной в руку, хотя и короткая. Одно время Лида стриглась «под мальчика», совсем коротко, но голова у нее была маленькая, и ей это не шло. Шея, мраморная, мощная, похожая на колонну, оставалась открытой. пышная шапка волос казалась естественным ее продолжением, а короткая стрижка, напротив, нарушала пропорции. Еще у Лиды были полные сочные губы, густые брови и зычный голос. Хотя они с Инной и были ровесницами, одна выглядела лет на двадцать семь—двадцать восемь, а другая на все тридцать пять, хотя обеим было тридцать четыре. Если кому-то это покажется смешным, не забывайте, что речь идет о женщине. Как говорится, между тридцатью четырьмя и тридцатью пяти можно прожить десять замечательных лет.

Лида не завидовала подруге, ее молоджавости. Она вообще никому не завидовала. Считала, что у нее есть все, а главное – это здоровье, дети и здоровье детей. Руслан и Катя были крепышами, такие грибы-боровички, оба с круглыми, серыми, как у матери, глазами, с густыми бровями и румяными щеками. Мать их не баловала, ей было не до того. Что же касается папы... Умненькие дети не позволяли ему сделать их яблоком раздора, хотя и не шли на окончательный разрыв. Они старательно держали дистанцию, выражая признательность отцу, но любили мать. Инна недоумевала: «Ну откуда у Морозова такие дети? Покладистые, рассудительные, ответственные и на редкость спокойные, в отличие от него, невротика. Разве что Лида...»

– Привет!

Они расцеловались.

– Ну, как ты? – Подруга внимательно на нее посмотрела.

– Более или менее. – Губы у Инны задрожали.

– Ну-ну, перестань. Перестань, слышишь? Пойдем в сад, я там стол накрыла. Жара-то какая!

Они уединились в беседке. С лужайки перед домом слышались детские голоса, Инна подумала, что надо бы покормить Бельчонка. Вон сколько всего на столе! Руслан, жаривший шашлык, крикнул:

– Через десять минут будет готово!

Мужчина. Уже мужчина. Лида принимает это как должное: сын жарит шашлык. Инна невольно ей позавидовала. Умеет же Лида жить одна! То есть мужчина при ней всегда есть, но... Вот именно: при ней!

– А где твой... Вадик, кажется? – слегка уколола она.

– Какой Вадик? Ах, Вадик...

– Да. Брюнет с глубокими карими глазами.

– Глаза как глаза. Это было ненадолго.

– Значит, ты теперь одна?

– И это ненадолго, – спокойно ответила Лида.

У Инны кончилось терпение.

– Послушай, – решительно сказала она, – ты должна мне помочь. Я...

– Давай выпьем, – оборвала ее Лида. – Ты что будешь? Вино, водку, коньяк? Может, тебе коктейль сделать?

– Ты же знаешь, что я не пью.

– Я поняла: вино.

Лида наполнила бокалы. Подруге налила вина, себе плеснула коньяку в пузатую рюмку. Пили они тоже по-разному. Лида не стеснялась крепких напитков и того, что редкий день у нее обходится без спиртного, ведь пьяной ее никто не видел. «Была у меня когда-то и другая жизнь, – с усмешкой говорила она. – И кто бы мог подумать, что девочка-цветочек, из маленького городка, из российской глубинки, воспитанная родителями-интеллигентами, умница-скромница – отличница, превратится в этакую стерву и будет дымить как паровоз и пить коньяк». Инна, разумеется, говорила, что никакая она не стерва, напротив, добрая женщина, к тому же отзывчивая.

«Ой, не столкнуться бы тебе с этой „доброй“ женщиной на узкой дорожке», – усмехалась Лида. И момент, кажется, настал.

Они выпили. Руслан принес шашлыки. Какое-то время разговор шел вокруг погоды и природы. Прибежала Даша, что-то схватила со стола, следом появилась Катя.

– Послезавтра пароход, – задумчиво сказала Лида, затягиваясь сигаретой, когда обе девочки убежали на поляну играть.

– Какой пароход?

– Ты что, забыла?

– Ах, пароход! Выпускной! Мне, знаешь, не до того.

– А я уже забила стрелку. Сказала секретарю, что в понедельник меня не будет. Хочу посвятить этот день дочери. Долги надо возвращать.

– Лида! – взмолилась она. – Скажи же, наконец: что мне делать?

– А что случилось?

– Я же тебе без конца твержу: муж пропал!

– Ну, пропал.

– Я звонила Дюшке.

– Кому?

– Его жене.

– Ах, этой... – прищурилась Лида. – Видела ее, как же. Рыжая сучка, очень уж ловкая и довольно-таки неглупая для проститутки. Это должно было случиться. Ехал, ехал и наехал. Не увидел «кирпич». Похоже, Олег увяз. Да мне-то что за дело? – пожала плечами Морозова и одним глотком допила коньяк.

– Она мне ничего не сказала. И не помогла.

– Не удивительно! Ее не интересует никто и ничто, кроме собственной персоны!

– И теперь я рассчитываю на твою помощь.

- Я-то что могу сделать?
- Но это же твой муж!
- Бывший муж, – поправила Лида.
- Ну и что? Позвони ему. Попроси, чтобы он узнал: что случилось с Веней?
- Инна... Ты же знаешь, мы не общаемся.
- Но ведь это же ради меня!

– Мы семь лет как в разводе. Я его так ошипала, что теперь Олег каждый раз перед тем, как пойти в загс, составляет брачный контракт. После очередного развода его бывшей жене достается лишь квартира, которую он покупает в качестве отступного, и машина, на которой она ездит. И ни копейки денег. Но мне он заплатил сполна. И моим детям кое-что останется.

- Ты молодец. Но мне-то что делать?
- Учись жить. Учись жить одна.
- Ты хочешь сказать, что Веник... Что он не вернется?
- Всякое может случиться.
- Я в это не верю!

– Инна... – Лида сделала глубокую затяжку. – Муж сегодня был – завтра его нет. Нельзя свою жизнь строить вокруг семейных отношений, ничто не отдавая вовне. Я рада, что со мной это случилось семь лет назад. Когда я еще была полна сил и энергии, когда жизнь только-только начиналась. Вспомни, сколько слез я пролила! Одна, с двумя детьми, брошенная человеком, которому я ничего не сделала плохого, заботилась о нем, рожала ему детей, слушала его бредни. А он взял да и развелся со мной! Надоела, мол. А потом... Потом я подумала, что мне повезло. Я словно заново родилась. Оборвала пуповину, было больно, я сначала чувствовала себя беспомощной, и впрямь как новорожденная, пока не научилась ходить. Но оказалось, что муж – это не центр Вселенной. Да, это самая яркая звезда. Самая большая. Пока он рядом. Но если отдалиться от нее на значительное расстояние, то окажется, что не такая уж она и яркая, да и не такая большая. Да и притяжение ее, сначала непреодолимое, вскоре не ощущается. Я все смотрела на тебя и думала: «Господи! Что ж она делает?! Тебе же тридцать четыре года! Чего ты добилась? Что у тебя есть? Тебе надо чем-то заняться. Чем-то, кроме полировки ногтей и заботы о своей прическе».

– Ты говоришь так из зависти! Да, из зависти! Потому что мой муж не такой, как твой! Веня – он... Он добрый, он внимательный, заботливый, чуткий...

- И где это все сейчас? В морге?

Она не выдержала и заревела. Рыдала взахлеб, давясь минеральной водой.

– О, господи! – не выдержала Лида. – Да успокойся ты! Ну, хорошо. Я что-нибудь попытаюсь сделать.

Она перестала плакать и с надеждой посмотрела на подругу:

- Ты ему позвонишь? Когда? Сейчас?

– Инна...

Она, словно молясь, сложила руки:

- Ну, пожалуйста! Я тебя прошу!

Лида сдалась и отправилась за мобильным телефоном. Инна вытерла слезы. Достала свой и нажала кнопку вызова.

- Абонент не отвечает или временно...

Вернулась Лида. При ней набрала номер, раздался металлический голос, который и она слышала:

- Абонент не отвечает или временно...

– Вот видишь, – усмехнулась подруга. – Только я не паникую, не несусь к друзьям, умоляя узнать, где он, что с ним?

– Что ты сравниваешь! Они же разные люди! Мой Веня и твой... Я даже не знаю, как его назвать! Чудовище! Хам! Неандерталец какой-то!

– Не надо его демонизировать, – резко оборвала ее Лида. – Морозов такой же человек, как и все.

– Ну, знаешь! Человек, как же!

– Тебе его не понять. И никому не понять, – тихо добавила Лида. – Олег... Он просто живет в другом измерении. Там другие скорости. На то, чтобы понять и верно оценить ситуацию, у него уходит гораздо меньше времени, чем у нормальных людей. Какие-то секунды. Поэтому его раздражает наша медлительность. Его реакция гораздо быстрее. Он – гений. Гений финансов. Мы с его точки зрения муравьи, с такими же крохотными мозгами, с такими же копеечными проблемами. Ну не интересно ему все это. Он миллионами ворочает.

– Ба! – Слезы у нее моментально высохли. – Да ты его все еще любишь!

– Нет, – спокойно ответила Лида. – Если его рядом нет, я ровно дышу, не теряю аппетита, не терзаю телефон в надежде услышать его голос. Я получаю удовольствие от секса с другими мужчинами, и гораздо большее, чем с ним. Если бы он никогда больше не появился, здесь или там, где бываю я, если бы я вдруг узнала, что его больше нет, я бы ничуть не расстроилась. Но если бы он вдруг появился... О! Мы бы такого друг другу наговорили! При этом смотрели бы друг на друга с такой страстью, что между нами да и вокруг искрило бы. И я бы еще долго потом волновалась. Ночи бы не спала, все думала, что бы такого сказать ему в следующий раз, чтобы разозлить его еще больше? Сделать ему еще больше! Разве это любовь? Это непонятно что! – в сердцах сказала подруга.

– Тебе надо было уступить, – вздохнула она.

– Уступить? – рассмеялась Лида. – Ну уж нет! Где сейчас все те, кто ему уступали? Нет, этим его не возьмешь. И вообще: все кончено. Я – самостоятельная женщина. Я просто попыталась тебе объяснить, что такое для меня разговор с бывшим мужем. То-то он будет торжествовать, если я ему позвоню! Ты представляешь, какое это для меня унижение?

– Сошлись на меня.

– Я попробую что-нибудь сделать. Но ничего не обещаю, – добавила Лида. – Успокойся. Выпей вина.

– Да не пью я!

– А зря.

– Ну, напьюсь я, что толку? Наутро ко всем моим проблемам добавится еще и головная боль.

– Да нет у тебя никаких проблем! – в сердцах сказала Лида. – Разве только... Ты его любишь, да? Мужа?

– Ну конечно люблю!

– А что такое, по-твоему, любовь?

– Тебя на философию потянуло после двух рюмок коньяка?

– Трех, – улыбнулась Лида. – Рюмочку я выпила еще до тебя. За окончательный разрыв с кареглазым Вадиком. Я поняла, что он хочет денег, а такие попытки – попытки меня «развести» и «поймать» – я пресекаю тут же. Я не против того, чтобы делать понравившемуся мужчине подарки и платить за ужин в ресторане, когда у него нет денег. Всякое бывает. И я порою на мели. Но превращать это в систему, в обязанность, брать его на содержание... Нет уж, увольте! – Лида поморщилась. – Я еще достаточно молода и привлекательна, чтобы меня любили за меня, а не за деньги. Бес попутал. Обычно я встречаюсь с мужчинами своего круга, которые такие вещи понимают.

– Но почему-то все они моложе тебя, – не удержалась Инна.

Лида широко улыбнулась:

– Во мне силен материнский инстинкт. Мужчина любит трижды: свою мать, женщину, которая обязательно похожа на мать, и картинку из порно-журнала, какую-нибудь блондинку или брюнетку с идеальными параметрами, в зависимости от его вкуса. Он может жениться на картинке, если позволяют средства. Осуществить мечту. Заполучить предмет ночных грез. А может просто жениться. Я – женщина, похожая на мать. И то, что мои любовники моложе, – в порядке вещей. Мужчины моего возраста и старше стремятся осуществить мечту, думая, что это их последний шанс, гоняются за длинноногими красотками, я им уже не подхожу.

– Как ты умеешь все разложить по полочкам, – завистливо вздохнула Инна. – Вот ты и объяснила, почему Морозов тебя бросил. Но у меня-то, слава богу, все в порядке! То есть я хотела сказать...

– Я поняла, что ты хотела сказать, – усмехнулась Лида. – Да, ты высокая, стройная блондинка. Ухоженная. Почти модель. Не обижайся. Ты мне правду, и я тебе правду. Грудь у тебя маловата, а талии почти нет. Ты прямая, как доска. И возраст уже не модельный. А по характеру так просто размазня, – безжалостно продолжала подруга. – Какое-то время Веню это устраивало. Но, быть может, он ушел к женщине, похожей на мать? Такое тоже случается.

– Ну вот! И ты туда же! – Инна вскочила. – Что вы все заладили! «У него любовница, он тебе изменяет!..» Да не изменяет он мне! Я бы это чувствовала! Но он всегда со мной! С работы – ко мне! В выходные – с нами! Со мной и с дочерью! Не изменяет он мне!

– Сядь, – спокойно сказала Лида. – Сядь, успокойся.

Она послушалась и села.

– Ты зачем ко мне приехала? Помощи просить? Тогда и веди себя соответственно.

Подруга взяла со стола мобильный телефон и еще раз набрала номер бывшего мужа.

– Абонент не отвечает...

Инна вздохнула:

– Дюшка говорит, что в субботу он пьет.

– Кто? Олег? – Лида расхохоталась. – С каких это пор?

– Но твой Морозов не ангел. Дымит как паровоз и выпить не дурак.

– Ну, не преувеличивай. Суббота – единственный день, когда он может позволить себе расслабиться. При чем делает это один, у себя дома. И до скотского состояния никогда не напиивается. По крайней мере его таким никто никогда не видел.

– Кроме тебя, да?

– Это мое дело. Наше с ним.

– Ладно, я поняла. Но что же мне делать?

– Ночуй здесь, – великодушно предложила Лида. – Комнат в доме хватает. Какие у тебя планы?

– В понедельник пойду в милицию, – понуро сказала она. – Заявление писать. Там сидит капитан Крутов, мы с ним кажется, нашли общий язык.

– Молодой, красивый? – подмигнула Лида.

– О чем ты говоришь! Он женат!

– Подумаешь, проблема.

– Я люблю своего мужа. Другие мужчины для меня не существуют.

– А по-моему, ты не знаешь, что такое любовь. Ты не о муже переживаешь, а о том, что вся твоя жизнь, такая налаженная, пошла под откос.

– Ну, знаешь! Всеу есть предел! – разозлилась она.

– Не переживай так. Не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Не будет Вени, будет Ваня. Неизвестно, который лучше.

– Пойду посмотрю, как там Даша, – сухо сказала Инна.

Вот тебе и получила помощь от подруги!

Она шла к маленькому бассейну, который атаковали визжащие дети, а Лида смотрела ей вслед и загадочно улыбалась...

...Звонок раздался поздно вечером. Инна сначала не поняла, что звонит ее мобильный телефон. День показался ей бесконечным. Не было ни облачка, солнце палило немилосердно, его золотой диск слепил глаза, а голубой ситец неба, на котором он покоился, словно полинял. Они ели шашлыки, потом купались, играли с детьми, снова ели и что-то пили, а день все не кончался.

Взяв в руки телефон, она сообразила, что уже одиннадцать. Даше пора в постель, да и ей тоже надо бы отдохнуть. Но телефон звонил, и сон как рукой сняло. На дисплее высветился номер абонента, и Инна удивилась. Это была Дюшка!

– Да? – замирая, сказала она. – Я слушаю?

– Инна, я поговорила с мужем, – затараторила Дюшка. – Он сначала не хотел меня слушать, но я настояла. Где бы нам встретиться?

– Когда? Сейчас?

– Нет, конечно! Давай завтра!

– Но... – Она растерялась. – Я сейчас за городом. У подруги. – Имя подруги она благо-разумно не назвала.

– Завтра утром.

– Но...

– Морозов напился и спит. Завтра он не встанет раньше полудня, потом будет похмеляться. Выпьет пивка и пойдет в баньку. Я ему не нужна.

– Утром – это во сколько?

– Ну, часиков в двенадцать.

– Это значит, в полдень?

– Ну да, в полдень. А лучше в час.

– Хорошо. А по телефону нельзя?

– Это не телефонный разговор, – поспешно сказала Дюшка.

– А что он сказал, Олег?

– В каком смысле?

– Он посылал Веню в командировку?

– Ну да, посылал.

– Муж ему оттуда звонил?

– Откуда оттуда?

– Из Саратова?

– Давай завтра, а? Может, до завтра я еще что-нибудь выведаю. Завтра в час дня в...

Дюшка назвала популярный ресторанчик с приемлемыми ценами, который и Инна прекрасно знала. Идеальное место для встреч с подругами.

– Хорошо. Завтра в час, – сказала она, и Дюшка тут же дала отбой.

– Кто это был? – спросила Лида, которая деликатно стояла в сторонке во время всего разговора.

– Ты не поверишь! Дюшка!

– А... И что она хотела?

– Она поговорила с Олегом. Предлагает завтра встретиться. А ты говорила, что она эгоистка!

– Это так. На твоём месте я бы ей не доверяла.

– Ты ревнуешь. Видишь, я позвонила ей утром, и она откликнулась. Решила мне помочь.

– И ты поедешь?!

– Ну конечно! Может, ничего и не случилось? Рабочий момент. Может, Морозов через нее хочет мне что-то передать? Она сказала: не телефонный разговор.

Инна заволновалась. У нее появилась надежда. Ну, конечно, она поедет! Да что там – поедет! Полетит! Скорее бы наступило завтра!

– Господи! Сколько дел! – воскликнула она. – И как быть с Дашей? Оставить ее одну на весь день?! Я даже не успею завезти ее домой! Или успею?

Она вспомнила о машине с тонированными стеклами и вздрогнула. А вдруг *они*, раздевшись с Веней, теперь хотят украсть ребенка? Кто они, Инна не знала, но у нее в голове с утра прокручивались сюжеты голливудских боевиков, все про похищения детей. Ее муж не политик, он вице-президент банка... А если это вымогатели? Если они хотят денег? Инна заволновалась.

– Оставь ее здесь, – посоветовала Лида.

– Здесь?!!

– Ну да. Учебный год закончился, уроков им не делать. А в понедельник я привезу девочек прямо к причалу. Там мы и встретимся. А с утра ты займешься делами, сходишь в милицию, в банк.

– В банк?!!

– Ну да. В банк, где работал твой муж. Действовать надо по всем направлениям.

– Но Дюшка...

– Есть вещи, которые за тебя никто не сделает, – резко сказала Лида. – Возможно, придется обратиться к частному детективу. А проще договориться со Службой безопасности банка. Но придется подмазать. У тебя есть деньги?

– Не знаю. Кажется, нет.

– Что-нибудь придумаешь, – уверенно сказала Лида. – У тебя есть собственность.

– Но... Я о Даше. Надо же ее переодеть. Я приготовила красивое платье, с кремовыми розами.

– А чем тебе не нравится то, что на ней?

– Она же в джинсовом костюме!

– По-моему, лучшей одежды для беготни по палубе и не придумаешь. А кремовые розы будут ее стеснять.

– Ах, нет, – запротестовала Инна. – Я так готовилась к выпускному! Даша должны быть одета как принцесса!

– Я завью ей локоны. И из солидарности одену Катю в джинсовый костюм. То-то она обрадуется! Моя дочь ненавидит платья, зато джинсы обожает. Дорогая джинсовая одежда всегда в моде. У Даши прелестный костюмчик, а прическу мы соорудим. Будет как ангелочек. Она у тебя очень хорошенькая.

– Спасибо, – машинально откликнулась Инна.

– Ну, вот и решили, – приняла ее ответ за полное и окончательное согласие подруга. – Поезжай на встречу, ни о чем не беспокойся.

Она, помня о машине с тонированными стеклами, вынуждена была согласиться:

– Да, так будет лучше.

Инне уже не терпелось. Подруга права: надо действовать. И действовать по всем направлениям. Надо хотя бы знать, что с ним? С мужем? Что вообще происходит?

...Олег Морозов заворочался и открыл глаза.

– Который час? – прохрипел он.

Жена, застегивая кружевной бюстгальтер алого цвета, сладко пропела:

– Половина одиннадцатого, дорогой.

– Перестань кривляться, – с этими словами в нее полетела подушка.

Увернуться Дюшка не успела, руки ее были заняты, да и муж проявил удивительную для его состояния ловкость и в очередной раз продемонстрировал отменную реакцию. Отброшенная подушкой к туалетному столику, Дюшка больно ударилась о край и завизжала:

– Козел! Пошел ты на х...!

– Так-то лучше, – зевнул Морозов. – Узнаю любимую. А за козла ответишь.

Она сверкнула зелеными глазами и потянулась за пеньюаром. Покосилась на мужа, сторожа каждое его движение, но тот лишь лениво потянулся, глянув на упругую попку и длинные стройные ноги. Алое нижнее белье Морозов предпочитал всему остальному. Это был его любимый цвет, цвет крови, цвет опасности, цвет страсти. Схватить ее сейчас за ягодички и...

– Куда собралась?

– В город.

– Зачем?

– Надо.

– Я спрашиваю: куда собралась? – слегка повысил он голос.

– По магазинам.

– Вали.

Она направилась в ванную комнату.

– Стоять.

– Что надо? – обернулась она.

– Принеси пива и мобильник.

– Прямо сейчас?

– Да.

– Ты бы еще поспал, дорогой.

Она ловко увернулась. Теперь Дюшка была настороже, и вторая подушка ударилась о дверь. Он был не только ловким, но и сильным. Зверь, ну просто зверь!

– Иди сюда.

– Еще чего!

– Иди сюда, я сказал!

– Олег, что за характер! – не удержалась она. – Я же вижу, что тебе сейчас этого не надо! У тебя голова раскалывается! Зачем мучить себя и меня?

– Разговорились!

– Я сейчас принесу пива.

Она нырнула за дверь и отдышалась. Обошлось. Пока обошлось. Ну что за человек? Все время ему надо что-то кому-то доказывать. Только что собрался доказать ей и себе, а главным образом себе, что он мужчина. И о-го-го какой! Конечно, у него получится. У него все получается. Но она готова поверить на слово.

Дюшка принесла из холодильника банку пива и телефон, как он просил. Морозов включил телефон и положил его в изголовье, а пиво открыл.

– Лучшее средство против похмелья – забег на длинную дистанцию, – сказал, сделав большой глоток. – Чтобы вместе с соплями и по\$том вышло все. Вся дрянь.

– А сердце выдержит?

– Секс тоже сойдет, – сказал он, не ответив на вопрос.

– На длинную дистанцию побежим? – съязвила она.

Он молча поставил банку с пивом на тумбочку и повалил ее на кровать. Напросилась. Потел так, что вся дрянь действительно вышла. Кроме той, что осталась в нем навсегда. Которой он был отравлен. Ох, сколько же в нем было дряни! Добился своего, как и всегда. Да, может. Даже с утра, с похмелья. Она же никакого удовольствия не получила. Лежала, мокрая от его пота, истерзанная его руками. Смотрела в потолок и отдыхала. Ну вот, все и закончилось. А боль что? К боли она привыкла. Да разве это боль? Ну, саднит немного в промежности. Ну, ноет в животе. К обеду все забудется.

Буквально изнасиловав жену, он и сам вымотался так, что решил остаться в постели и подремать еще пару часиков.

- Олег, так я могу поехать в город?
- Можешь, – сказал он, не открывая глаз.
- Я тебе больше не нужна?
- Нет.
- А какие у тебя планы на вечер?
- Никаких.
- Что ты сделаешь, если узнаешь, что я тебе изменяю?
- Убью, – сказал он, засыпая.

В его гениальном мозгу беспрестанно рождаются идеи. К примеру, идея позвать гостей. Через минуту он уже может об этом забыть, увлекшись следующей. А может и не забыть. Тогда он начнет звонить ей и материться. «Где ты шляешься, рыжая сучка?! Почему не выполняешь своих обязанностей?! Долго я буду тебя ждать?!»

Идея убить жену, если она изменит, не новая. Это, скорее, рефлекс. Никого он не убьет. И жену не убьет, даже если застанет ее в постели с любовником. Морозов уже, похоже, нашел ей замену. Они вместе два года. Третий пошел. Гарантийный срок жены закончился. Уже куплена квартира на ее имя. Она на днях подписала бумаги. И поняла, что это отставка. Ее списывают в утиль. «Евдокия Морозова секонд-хенд», цена договорная. И стало обидно.

Казалось бы: отмучилась. Отслужила. Теперь на ее место заступит следующая. Номер Шесть. Но почему же так обидно-то, а? Морозов – человек сложный. С ним страшно, но интересно. Страшно интересно, если опустить «но». Что было бы, если бы она родила ему ребенка? Если бы он, наконец, успокоился? Доверился ей? У него очень мощная защита. Гениальный мозг вынужден защищаться. И в этом он такой же изобретательный, как и во всем остальном.

Она уже знает и его нежность, и внезапно прорывающуюся детскую радость, и даже слезы. Да, да, слезы! Кто бы мог подумать, что Морозов сентиментален?! Что его способен растрогать бездомный котенок! Полураспустившийся цветок! История о ребенке, которого истязали жестокие родители! Он и телевизор потому не смотрит и газет не читает. Она сама переводила деньги на счет. Лечение и дорогие лекарства. Потом Олег узнал, что его развели. И не только его. Деньги со счета сняли мошенники. Она сама отдавала распоряжение начальнику его Службы безопасности. Сама читала отчет. Сама, потому что он был слишком пьян и слишком подавлен. Говорил, что мир жесток, а люди сволочи. Дальше все было страшно.

И больше никаких газет. К нему на прием – строго по записи. Везде с охраной. Все думают, Морозов – зверь. Он же просто сентиментален. Всякий, кто сумеет до него достучаться, получит помощь. Поэтому дверь за семью печатями, за семью замками. Уж она-то сумела бы об этом позаботиться! О том, чтобы нежный цветок его души негодяи не смяли бы ненароком, не повредили бы лепестки.

Это и есть причина, по которой Олег с ней расстанется. Он слишком уж к ней привязался. Он сам это признает и даже как-то сказал:

- А не повенчаться ли нам? Я еще ни с одной своей женой не венчался.
- Ты, должно быть, шутишь?
- «Что это? Очередной приступ сентиментальности? Минутная слабость?»
- Клянусь!
- Я не о том, Олег. Венчаться – это значит...

– Я в курсе, – оборвал он. – Недавно я видел храм. Проезжал через городок, типичная российская глубинка, дороги отвратительные, люди скверно одеты, лица у всех хмурые, никто не улыбается. И вдруг... Вижу купола. И стены. Все, конечно, старое, позолота стерлась, штукатурка осыпалась. Но какая же красота! Нет, не то. Какое же величие! Одно слово: Россия! Велел остановиться. Потянуло меня туда – ну сил нет! Входил с трепетом, сердце дрожало, как листок на ветру, вот-вот во мне оборвется, дыхание перехватило. Везде, конечно, упадок. Трещины, гниль. Но какие ж лики у святых! Черные, страшные. И так мне вдруг стало стыдно.

За то, что я еду на хорошей машине, с охраной, еду на переговоры, а, значит, пить и жрать. За то, что я еду мимо. И жить мне будет сладко, а умирать страшно. Потому что Бог дал мне талант, а я обратил его в деньги. И никого, кроме себя, не осчастливил. И я вдруг подумал: отреставрировать бы его. Храм. Возродить. И в нем – венчаться. Как думаешь? Оценили бы? Сказали бы мне спасибо?

– Да.

– А за спиной? За спиной – что бы они обо мне говорили?

Она отвела глаза:

– Ты знаешь.

– Вот я и подумал... Подумал: снести его на хрен, этот храм, и построить современный торговый комплекс, – грубо сказал он. – Место хорошее, в центре города. Кому нужны эти развалины?

– Олег!

– А... Вижу: губки-то уже раскатала! Венчаться! Платье, банкет, кольцо с бриллиантами... Сколько хочешь с меня слупить?

– Ничего я не хочу.

– Врешь! Родить хочешь? Алименты на ребенка? Пожизненное содержание? Пошла на х...! – заорал он. – Вон отсюда!

Вот так. Холодные струи душа били ей в лицо. Она вздохнула, выключила воду и потянулась за полотенцем. Это утро – звено в цепи. Он утверждает в решении ее бросить. У математиков все логично. Сначала надо внушить ей ненависть, чтобы и развод был логичен. Уже и бумаги подписаны. Документы на квартиру. Радуйся, Евдокия Германовна Морозова! Ты – собственница!

Надо ехать. Позавтракать, причесаться, накраситься и ехать. В час у нее встреча. Морозов дал добро...

...Звонил телефон. Он выругался и начал шарить рукой по подушке. Зачем включил?

– Дюшка!

Никто не ответил. А телефон все звонил. Он разлепил веки и глянул на дисплей. «Лидка, сука такая». Ах, вот кто звонит! Сон как рукой сняло. Торжествуя, он нажал на кнопку:

– Да, дорогая?

– Доброе утро, дорогой. Как спалось?

– Прекрасно! Как дети?

– Дети играют в саду. У нас все хорошо.

– Тебе, должно быть, денег? – сладко спросил он.

– Не угадал, дорогой.

– Тогда чего тебе надо?! – рявкнул он. – Разбудила меня! Семь лет, как развелись, все никак в покое не оставишь! Звонишь и звонишь! Мало я тебе заплатил?

– Да уж, я тебя обобрала так обобрала.

– Сука!

– Я по делу.

– Какие у нас с тобой могут быть дела?!

– Я не от своего имени звоню.

– Попроси еще за своего любовника! – взбесился он. – Чтобы я взял его на работу!

– Олег, мне от тебя ничего не нужно.

– А может, ты соскучилась? По мужской ласке? Я только что отодрал свою жену, и ты приходи.

– Не удержался, похвастался. Олег, ты как ребенок. Не беспокойся: и с этим у меня все в порядке. Можешь спать спокойно. Со своей женой или еще с кем. Я к тебе никогда за этим не приду.

– Тогда чего тебе надо? – зло спросил он. – Чего звонишь?

– Ко мне Инна приехала.

– Инна? Какая Инна?

– Козлова.

– Ах, Козлова! – Он гнусно рассмеялся.

– Олег, что ты знаешь?

– Я все знаю, – надменно сказал он.

– Но почему ты тогда с ней не поговоришь?

– Потому что не буду, – отрезал он.

– Олег... Я знаю тебя столько лет. Ты никогда не был жестоким.

– А знаешь что... Ты меня попроси. Ну, попроси.

– Пожалуйста, помоги ей.

– Нет, не так. Чувств нет. Ну что это? «Пожалуйста, помоги», – передразнил он. – Слезу пусти. Надави на жалость. Вы, бабы, это умеете.

– Всему есть предел!

– Тогда разговор окончен.

– Олег!

– Окончен, я говорю! – рыкнул он, но на кнопку не нажал. Какое-то время слушал молчание бывшей жены, ждал. Потом раздался ее голос:

– Может, мы встретимся?

– Вот это уже лучше, – самодовольно сказал он. – Только я скажу – где и когда.

– Хорошо. Я буду ждать.

– Ну, жди.

Вот тут он дал отбой. Довольно потер руки: «Как бы мне ее наказать? Как бы вернуть свои денежки?» Потом вспомнил ее густые вьющиеся волосы, блестящие серые глаза, теплые руки, пышную грудь... Вспомнил, что и ее сейчас кто-то... Как и он свою жену... Только что... «Я к тебе никогда за этим не приду...» Воображение разыгралось. Реакция была мгновенной, за какие-то секунды он представил всю сцену, начиная от ее раздевания до сладострастного стоны в конце.

Он зарычал и вскочил. Развод! Взмолнованно заходил по комнате. Вспомнил, что они с Лидой семь лет как в разводе. Разводится-то он на самом деле с Дюшкой. Давно пора. Хочется новых ощущений. Новая женщина – это заново открыть для себя мир, увидеть его ее глазами. Женщина должна быть юной, лет восемнадцати—двадцати. Тогда будет интересно.

А что делать с Козловым? Надо подумать. Подумать, как можно использовать ситуацию. В его голове мгновенно родилась очередная гениальная комбинация.

Глава четвертая

В то время как Лида звонила бывшему мужу, Инна Козлова уже ехала в такси. Чтобы не опоздать, она выехала заранее, боясь попасть в пробки. Сегодня народ потянется с дач, и с полудня дороги будут забиты. А на эту встречу опаздывать ну никак нельзя. Лучше уж выпить кофейку в одиночестве, подождать, собраться с мыслями. Мельком Инна глянула в карманное зеркальце и осталась собой недовольна. Нервное потрясение дорого ей стоило. Она потеряла покой, и хотя волосы, макияж и ногти по-прежнему были в порядке, облик ее неуловимо изменился. Взгляд был затравленным, а это совершенно меняет женщину. Либо она королева, хозяйка жизни, и мир у ее ног, либо соискательница. И тогда уже не только взгляд у нее меняется, но и движения становятся суетливыми, а тон просительным.

– Остановите здесь, – вздохнула Инна и достала кошелек.

Расплатившись, она выпорхнула из машины и перешла на противоположную сторону улицы. Она никуда не спешила, глазела на витрины, читала рекламные слоганы и нарочно замедляла шаги. Еще сорок минут. Целых сорок минут. И Дюшка наверняка опоздает. Значит, час. Инна задержалась у витрины магазина нижнего белья. Постояла, вздохнула и побрела дальше. Под неброской вывеской остановилась. Кто не знает этого места, не задумываясь, пройдет мимо, но маленький ресторанчик и не рассчитан на людей случайных. Здесь Инна частенько встречалась с Лидой, обоим это было удобно. Недорого и вкусно, сервис на высоте, клиента ценят и понимают, да и не есть они сюда приходят, а поболтать. Пару раз здесь же Инна назначала свидание соседкам по студенческому общежитию и благородно за них заплатила. Не всем в жизни так повезло, как ей. Она рассказала мужу, куда потратила деньги, и Веник с ней согласился.

– Ты поступила благородно, Мышка, но не делай этого так часто.

– Я не буду, – пообещала она. И в самом деле, не приглашала никого целый год. А потом они сами собой исчезли, соседки по комнате, в которой она когда-то жила. Еще до своего замужества с Веником. Целых четыре года.

А однажды... Инна не могла вспоминать об этом без того, чтобы краска не бросилась в лицо. Это было почти свидание. Даша приболела и не пошла на тренировку, а ее наставник вызвался отвезти домой «мамочку», как он сказал, сам. Инна, которая поехала-таки в бассейн одна, но, разумеется, зашла к тренеру, отчитаться о Дашином вынужденном прогуле, отпустила такси, слово за слово, и они оказались в этом ресторанчике, обсуждая Дашины перспективы в плавании на спине. Именно там у нее были успехи. Но успехи не настолько значительные, чтобы всерьез рассматривать ее перспективы и замахиваться на призовые места в общегородских соревнованиях. Тем не менее они об этом говорили. За столиком в ресторане, потягивая безалкогольный коктейль. Только тут она сообразила, что мужчина, который сидит напротив, молодой и привлекательный, и смотрит он на нее как-то не так. Словно чего-то ждет.

Этот особый мужской взгляд Инне был незнаком. Она была, что называется, не секси. Красивая, но пресная. Женщина, слишком уж закомплексованная, чтобы ночи с ней запомнились, а утро было полно яркого света в любую погоду, даже когда на улице дождь. Мужчины, которые это чувствуют, никогда и не просили у нее глазами ласки или хотя бы поощрения. Ответного взгляда, который подскажет, что можно идти дальше. Приобнять, погладить по плечу, по руке, начать ругать жену или любовницу, потом перейти к комплиментам на грани фола. И в конце концов, просто себя предложить. Всего этого с Инной Козловой никогда не случалось.

Но сегодня она была без дочери, одна, и удачно одета, и плавала прекрасно, а он только что подал на развод, о чем и сказал. Ему нужна была компенсация за этот развод, и нужен был

повод. Вот этот-то взгляд, одновременно и требовательный и виноватый, ее напугал. У Инны было чувство, что она уже изменила мужу. Она ведь позволила *так* на себя посмотреть.

Инна вспыхнула, тут же вспомнила про какие-то дела. Не дома, нет. Куда-то заехать, что-то купить. Он с готовностью вызвался ее отвезти. Но в ответ она закричала:

– Нет-нет! Зачем же так себя утруждать!

И позорно сбежала. Не увернулась с милой улыбкой, не поставила многозначительное многоточие, как это полагается сделать, если ты истинная женщина. Она показала себя полной невеждой в вопросах любви и секса, где-то на уровне подростка в период полового созревания. А потом, краснея, попросила сменить тренера. Ей, постоянной клиентке, пошли навстречу. И они с Дашей поменяли время посещения бассейна. Дочь капризничала, она была просто в недоумении. Инна и сама себя не понимала. Что, собственно, случилось? Встречаясь с ней, тренер делал вид, что никакого ресторана не было, и флирта тоже. Да его и в самом деле не было. Ничего такого, за что ей могло бы быть стыдно.

Тем не менее, когда она вспоминала об этом, краска бросалась ей в лицо. Эпизод с тренером отравил все последующие посещения этого милого уютного ресторанчика, где она себя чувствовала так комфортно. Вот и сейчас, сидя за чашечкой кофе в ожидании Дюшки, она думала об этом почти свидании, а никак не о том, что непременно должна вывести у жены президента банка. Банка, в котором работал ее исчезнувший муж.

Дюшка опоздала на пятнадцать минут. Она сразу увидела Инну, которая намеренно и села так, чтобы, войдя в зал, ее не пропустили бы взглядом. Жена Морозова махнула рукой и направилась к ней. Шла, покачивая бедрами, профессиональной походкой манекенщицы, и все взгляды были устремлены на нее. На Дюшке был ультракороткий сарафан травяного цвета, очень эффектный, и неизменные украшения с изумрудами.

– Жара-то какая, а? – сказала Дюшка. Ее необыкновенные кошачьи глаза сверкали ярче, чем камни в ушах и на шее. – А не пойти ли нам на веранду?

– Там пыльно.

– Зато ветерок.

Инна предпочитала помещения, где работал кондиционер, но спорить не стала. Они перешли на веранду, к окну. Вечером этот ресторанчик был забит до отказа, но сейчас, в воскресенье, в огненный полдень, свободные места были даже на веранде. Тут же появился официант. Инна, вздохнув, заказала салат и сок фреш из двух апельсинов. Со льдом.

– И в самом деле жара, – сказала она.

– Что дальше-то будет?

– Лето. Дальше будет лето. Вы когда уезжаете?

– Куда?

– Отдыхать, разумеется.

– Не знаю. А ты?

– Тоже не знаю.

Обе подумали об одном и том же. О мужьях. У обеих женщин была полная неопределенность. Дюшка Морозову не изменяла. Она и не думала, что это случится так скоро, развод. «Запасного» мужчины у нее не было, а ехать одной... Получается, что ты напрашиваешься на знакомство. Если ты за этим и едешь, развлекься, то все в порядке. А если хочешь забыться, отдохнуть, привести в порядок мысли, а тебя при этом атакуют поклонники, это раздражает невыносимо. Причем все уверены, что ты ломаешься, цену себе набиваешь.

Слухи о разводе пойдут. И где бы ни появилась Евдокия Морозова, на ней тут же поставят клеймо: «Сдается в аренду». Желаящие взять ее на содержание найдутся, секонд-хенд от Морозова всегда в цене, его предыдущие жены все неплохо устроились. Дюшка почувствовала растущее раздражение. Неужели же нет выхода из этого замкнутого круга?

Принесли заказ.

- Я со среды места себе не нахожу, – начала Инна.
- Он утром уехал? В среду? – уточнила Дюшка.
- Да. И с этого момента – никаких вестей. А что говорит твой муж?
- Он послал Козлова в командировку.
- По делам банка?
- Да.
- Веня ему звонил?
- Звонил. Утром.
- Утром когда? В среду? – уточнила она.
- Да. – Дюшка через соломинку потягивала сок. Ее огромные зеленые глаза были полуприкрыты тяжелыми веками, с ресницами, похожими на стрелы. Она словно мышь сторожила, вся затаилась, подобралась.
- И – все? Больше не звонил? – просительно сказала Инна.
- Нет, не звонил.
- А в Саратове? Там, куда он поехал? Там что говорят?
- Видишь ли... Он туда не приезжал.
- Как так – не приезжал? – ахнула Инна.
- Его там не было. Так что туда можешь не звонить. Бесполезно.
- Выходит, он... Выходит, не доехал? Пропал по дороге? Но где? Еще в среду... – сказала она упавшим голосом. – Он пропал еще в среду. А я сижу сложа руки.
- Успокойся. Ты уже хоть что-то предприняла?
- Да, – кивнула Инна. – Я ходила в милицию.
- И что?
- Мне сказали прийти в понедельник. С документами.
- С какими документами? – вздрогнула Дюшка.
- С документами на квартиру. С его паспортом. О, господи! Мне же нужен номер его машины! То ли три-семь-семь, то ли, пять-семь.
- Три-пять-семь, – спокойно сказала Дюшка.
- А ты откуда знаешь?
- Он же часто к нам приезжал. Мне нравится «Легенда». Я к ней какое-то время при-сматривалась.
- Выходит, ты знаешь больше, чем я.
- Я же жена президента, а ты только вице-президента, – со странной улыбкой пошутила Дюшка. – Значит, ты еще не писала заявление?
- Нет. Мне посоветовали обратиться в Службу безопасности банка.
- Ах, это... Это разумно. А к кому?
- Не знаю. Я приду, запишусь на прием к Морозову, – неуверенно сказала Инна.
- Вот этого делать не надо.
- Я знаю, но...
- В милицию иди сама. А в банке будешь действовать через меня.
- Там что, какие-то проблемы?
- А ты вообще знаешь, чем занимались наши мужья? – нацелила на нее ресницы-стрелы красавица Дюшка.
- Они банкиры.
- То есть подробности тебе неизвестны? Сколько лет вы с Козловым женаты? – внезапно спросила Морозова.
- Четырнадцать, а что?
- И за все это время он ни разу с тобой не откровенничал? Не рассказывал о... О банковских операциях, которые они с Олегом проворачивали?

Слова «банковские операции» Дюшка опять-таки произнесла со странной усмешкой.

– У нас с Веней был договор: никогда не говорить о делах. О его работе.

– Вот как? Знаешь, я тебе завидую! А если... Что, если позвонить ему с другого телефона? К примеру, с моего. Может быть, твой муж не хочет отвечать именно тебе? – сообразила вдруг Дюшка.

– Какая разница? – пожала плечами Инна. – Его телефон отключен, и все. Или аккумулятор сел.

– Ну все-таки. Дай-ка, я ему позвоню.

– Звони!

Она диктовала номер, а Дюшка набирала его на своем мобильном телефоне. Потом долго слушала «абонент не отвечает...».

– Да, похоже на то, – сказала наконец Морозова. – Он отключил мобильный телефон.

– Не хочется думать о плохом.

– Не хочется. Официант!

– Что угодно, мадам?

– Принесите вина! Два бокала.

– Какое вино мадам предпочитает?

– Красное, сухое. Франция, разумеется.

Официант исчез.

– Вообще-то я не пью, – неуверенно сказала Инна.

– А я вообще-то за рулем, – насмешливо заметила Дюшка. – Брось.

Морозова вцепилась в свой бокал, как хищник в добычу. Ногти были длинные, острые, красные, словно пальцы она перед этим окунула в кровь. Инна нехотя сделала глоток.

– Знаешь, как я тебе завидовала! Всегда завидовала! – с чувством сказала Дюшка.

– Ты? Мне?

Инна посмотрела на ее красивое белое лицо, пышные медные волосы, высокую грудь. Девушка модельной внешности, ну просто идеал. Красивая, холеная, богатая. Ни детей, ни проблем. Зато наверняка куча поклонников. Завидовать домохозяйке? Тридцатичетырехлетней женщине, живущей в глубокой, как осенняя лужа, тени мужа?

– Я так хочу детей, – тоскливо сказала Дюшка. – Я ведь в деревне родилась.

– В деревне?

– Ну, почти. У мамки нас пятеро было, я – младшая, – неожиданно разоткровенничалась Дюшка. – Одного братца посадили, другого в драке убили, по пьяни. С сестрами я давно не встречалась, не знаю даже, где они, что с ними. Маму я любила. И жалела ее. Она работала нянечкой в детском саду, пока на пенсию не пошла. Сколько себя помню, она все время по хозяйству. Ни минуты не посидит. Огород, заготовки, стирка, глажка. Я ведь все умею, – похвасталась Дюшка. – И помидоры солить, и капусту квасить. С четырнадцати лет уже вкалывала, лестничные клетки мыла, мать меня вместо себя посылала, она уборщицей подрабатывала. Нам деньги были нужны. Очень. Мама моя тоже из многодетной семьи. В нашем роду все женщины много рожали. И я родить хочу. А мне не положено. Я – девушка модельной внешности, – со сладкой улыбкой сказала зеленоглазая красавица. – А мне бы дома сидеть, у мужа, у плиты. Парить, жарить, подгузники менять. Сначала радовалась, дура: повезло! Нарядная, как кукла, на переднем сиденье, в шикарной машине. И в самом деле кукла. – Со злостью сжала тонкую ножку бокала.

– Но... Но это же наверное, хорошо, – неуверенно сказала Инна.

– Достало все. Морозов, гад, со мной разводиться собрался.

– Ты же его тоже не любишь.

– С чего ты взяла? – вытаращила глаза Дюшка.

– Вчера по телефону... Ты сказала, у него любовницы. Обругала, – проямлила Инна.

– Мало ли что я сказала! Да еще с утра, спросонья! Он и сам Лидку сукой называет. У него в телефонной книжке так и написано: «Лидка, сука такая».

Инна побагровела. Но Морозова-Пятая, не замечая этого, продолжала, все больше повышая голос:

– А сам все еще любит ее! Ненавидит, ругает и любит! Орет, что разорит, оберет до нитки. Но ничего не делает, хотя я и предлагала. Не так уж и трудно ее прижать. Фирмочку Лидии Ивановны скovyрнуть – все равно что прыщ с лица. С такими-то деньгами и связями, как у Олега! Он меня ударил. Сказал: этого не смей. Дети для него святое. Слова не скажи. У него на работе на столе в рамке фотография. Она и дети. А моей нет. Хотя я жена. Я! – ткнула себя пальцем в грудь Дюшка. – Скажи, как я могу все это терпеть?

– Но... Зачем было замуж?

– Зачем? – расхохоталась Дюшка. – Зачем! Ты и в самом деле дура. А деньги? Впрочем, тебе этого не понять. Вы с Веней как два голубка. Потому я и говорю: завидую.

– Ты еще молодая, – попыталась утешить ее Инна. – Другого найдешь.

– Что ты в этом понимаешь, – махнула рукой Дюшка. – Думаешь, у нас, девушек модельной внешности, сердца нет? Все так думают. Что мы как такси: сел – включи счетчик. А я не такая. У нас в роду шлюх не было. Ну что я могу с собой поделать? Привязалась к мужику как кошка. А он меня бросает. Бьет – понимаю. Папка мамку тоже лупил. Я привычная. Даже казалось: все у нас с Олегом, как у людей. Значит, надолго, значит, навсегда. Официант – еще вина!

– Что ты делаешь! – испугалась Инна. – Ты же за рулем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.